

Санкт-Петербургский государственный университет

ЛИСАКОВА Анастасия Алексеевна

Выпускная квалификационная работа

Личностные особенности подростков с различным опытом в ситуациях кибербуллинга

Уровень образования: Специалитет

Направление 37.05.01 «Клиническая психология»

Основная образовательная программа СМ.5029.2015 «Клиническая психология»

Профиль Клиническая психология детей и родителей

Научный руководитель: доц. каф.
медицинской психологии и
психофизиологии СПбГУ
канд. психол. наук, доцент
Миланич Юлия Михайловна

Рецензент: зав. каф. основ
дефектологии и реабилитологии
РГПУ им. А.И. Герцена, док.
психол. наук, доцент
Волкова Ирина Павловна

Санкт-Петербург

2021

АННОТАЦИЯ

Исследовались личностные особенности подростков с различным опытом в ситуациях кибербуллинга (КБ). В исследовании принимали участие 105 подростков 13-15 лет. Разработана анкета для выявления опыта включенности в КБ, на основе которой вся выборка поделена на 4 группы: 1) «наблюдатель-жертва-агрессор» – 40 человек; 2) «наблюдатель-жертва» – 39; 3) «наблюдатель» – 15; 4) «без опыта КБ» – 11. Измерялась частота вовлеченности в ситуации КБ в различных ролях, виды и каналы КБ. Измерялись эмоционально-волевые и коммуникативные характеристики (опросник Кеттелла), агрессивность (опросник Басса-Дарки), самооценка (методика Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан), ценностные ориентации (опросник Шварца), школьная тревожность (опросник Филлипса). Установлено: более 50% респондентов подвергались КБ, более 80% были свидетелями и около 12% инициировали КБ. Получен ряд статистически значимых различий (U-критерий Манна-Уитни с поправкой Холма-Бонферрони). «Агрессоры» в сравнении с не включенными в КБ менее эмоционально устойчивы, имеют более слабый волевой контроль, в сравнении с «жертвами» имеют более слабую ориентацию на социальные нормы. Как от «жертв», так и «наблюдателей», «агрессоры» отличаются более низким порогом фрустрации. «Агрессоры» и «жертвы» характеризуются большей раздражительностью в общении в сравнении с не включенными в КБ. Для «жертв» ценность «Самостоятельность» является более значимой в сравнении с не вовлеченными в КБ.

ABSTRACT

Personal characteristics of adolescents previously involved in various cyberbullying situations

The personal characteristics of adolescents previously involved in various cyberbullying situations (CB) were explored. The study involved 105 adolescents of 13-15 age. The special questionnaire was developed to identify the experience of various CB situations. The entire sample was divided into four distinct groups: 1) "Observer/Victim/Bully" - 40 students, 2) "Observer/Victim" - 39, 3) "Observer" - 15, 4) "Uninvolved" - 11. The frequency of involvement in CB situations in various roles, through different types and channels of CB were measured. Emotional-volitional and communicative characteristics were measured by Cattell's 16PF questionnaire, questionnaire of the level of aggressiveness by Bass-Dark, Scale Dembo-Rubinstein version by Prikhodzhan, Schwartz Personal Values Questionnaire, The School Anxiety Scale (Phillips' questionnaire). Results: more than 50% of respondents were exposed to CB, more than 80% were "Observers" and about 12% initiated CB. A number of statistically significant differences were obtained (Mann-Whitney U-test with the Holm-Bonferroni correction). "Bullies" are less emotionally stable compared to "Uninvolved", they have lack of volitional control compared to "Victims" and they have lower orientation to social norms. "Bullies" differ by a low frustration tolerance from both "Victims" and "Observers". "Bullies" and "Victims" are more irritable in communication compared to "Uninvolved". Personal value "Self-Direction" is more important for "Victims" in comparison with "Uninvolved".

СОДЕРЖАНИЕ

АННОТАЦИЯ.....	2
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	6
ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА 1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	11
1.1 Особенности девиантного поведения в подростковом возрасте	11
1.2 Клинико-психологические аспекты кибербуллинга в подростковом возрасте	16
1.2.1 Понятие кибербуллинга	16
1.2.2 Виды кибербуллинга и роли участников	20
1.2.3 Факторы предрасположенности к включению в кибербуллинг	24
1.2.4 Клинико-психологические последствия вовлечения подростков в кибербуллинг	26
1.2.5 Анализ исследований личностных особенностей подростков, вовлеченных в кибербуллинг	28
ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	35
2.1 Дизайн исследования.....	35
2.2 Описание выборки исследования.....	36
2.3 Методы исследования.....	38
2.3.1 Анкета для выявления опыта включенности в кибербуллинг	38
2.3.2 «Многофакторный личностный опросник» Р. Кеттелла	39
2.3.3 Методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан.....	40
2.3.4 Ценностный опросник Шварца	42
2.3.5 Опросник агрессивности Басса-Дарки	43
2.3.6 Тест школьной тревожности Филлипса	45
2.4 Математико-статистические методы обработки данных	46

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ	47
3.1 Результаты изучения опыта подростков в ситуациях кибербуллинга	47
3.2 Сравнительный анализ эмоционально-волевых и коммуникативных характеристик подростков с различным опытом кибербуллинга.....	60
3.3 Сравнительный анализ особенностей самооценки.....	66
3.4 Сравнительный анализ ценностных ориентаций.....	69
3.5 Сравнительный анализ проявлений школьной тревожности.....	71
3.6 Результаты корреляционного анализа личностных особенностей и показателей опыта включенности в кибербуллинг	71
ВЫВОДЫ.....	79
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	81
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ	83
ПРИЛОЖЕНИЕ А	92
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	97
ПРИЛОЖЕНИЕ В	103
ПРИЛОЖЕНИЕ Г.....	105
ПРИЛОЖЕНИЕ Д	109
ПРИЛОЖЕНИЕ Ж	110

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

КБ – кибербуллинг

Н – «наблюдатель»

НЖ – «наблюдатель-жертва»

НЖА – «наблюдатель-жертва-агрессор»

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В настоящее время проблема кибербуллинга является одной из наиболее актуальных в России и во всем мире. Под кибербуллингом понимается совокупность умышленных действий с использованием электронных форм контакта с целью нанесения вреда и причинения дискомфорта жертве. По данным зарубежных авторов, 20-40% подростков сообщают о том, что они подвергаются кибертравле [77]. В России же нет четких данных о распространённости данного феномена, показатели варьируются от 6 до 62% [6].

Кибербуллинг может иметь столь же серьезные последствия для личностного развития и социальной адаптации подростков, что и традиционный буллинг. Исследователи описывают негативные последствия онлайн-травли в виде повышенной тревоги, депрессивного фона настроения, озлобленности, панических атак, суицидальных мыслей и попыток, а также неблагоприятных изменений самооценки и мировосприятия в целом [3, 7, 17, 38, 42, 46, 62, 64, 68, 69, 74, 79]. Подвергнувшиеся кибербуллингу страдают от ощущения небезопасности в школе, что провоцирует их на пропуск занятий и ношение оружия в учебном заведении, что повышает риск опасных социальных последствий [45, 50, 70].

Отмечается также, что онлайн-агрессия приводит к психосоматическим проблемам: от головных болей и проблем со сном до риска возникновения психических расстройств [46, 74, 79]. Виктимизация приводит к изменению поведения в Сети, так, участники кибертравли становятся более осторожными и ограничивают общение в Интернете [70].

При этом кибербуллинг рассматривается как фактор ухудшения психологического самочувствия и затруднений социальной адаптации не только для «жертв», но и для лиц, которые сами инициируют кибербуллинг («агрессоров»), и тех, кто лишь наблюдает за травлей других («наблюдатели») [3, 45].

В литературе представлены факторы риска «кибертравли» подростков [7, 8, 59, 60, 68, 71, 73, 77, 84], данные по распространенности опыта кибербуллинга в зависимости от возраста и пола [7, 30, 47, 51, 68, 72, 73, 77, 84]. Проблема своеобразия личности участников кибербуллинга изучалась в отношении самооценки [3, 6, 32, 52, 60, 64, 68], проявлений тревоги [3, 24, 74] и чувства одиночества [3, 6, 40, 50, 65, 69, 70, 81], качества социальной поддержки и ощущения самоэффективности [38, 40, 50, 65, 69, 81], способности к эмпатии [3, 31, 42, 69], склонности к агрессивному поведению [3, 24, 25, 32, 40, 41, 70].

Вопреки достаточному объему исследований феномена кибербуллинга в последние годы, многие вопросы, касающиеся особенностей личности подростков, включенных в ситуации онлайн-травли, не имеют однозначного ответа. Остается не описанным личностный портрет современного подростка, который имеет устойчивость к КБ: владеет эффективными навыками совладания с ситуациями травли или вовсе избегает такого формата онлайн-коммуникации, который допускает травлю. До сих пор нет четкого понимания, по каким особенностям эмоциональной, волевой, коммуникативной сфер, а также самосознания и ценностных ориентаций отличаются подростки, имеющие различный опыт включенности в ситуации кибербуллинга (в роли «жертвы», «агрессора», «наблюдателя»). Между тем особенности личности могут быть признаны внутренними факторами риска столкновения с ситуациями кибертравли, а также факторами, определяющими ролевое поведение. Они будут представлять интерес для психологической работы в плане профилактики как агрессивного, так и виктимного поведения подростков, а также при оказании помощи детям, пострадавшим от буллинга онлайн. Все вышесказанное указывает на актуальность настоящего исследования.

Цель исследования – изучение личностных особенностей подростков с различным опытом в ситуациях кибербуллинга.

Объект исследования – личностная сфера и опыт включенности в кибербуллинг подростков.

Предмет исследования – эмоционально-волевые, коммуникативные характеристики, а также особенности самооценки и ценностных ориентаций подростков 13-15 лет с различным опытом в ситуациях кибербуллинга.

В качестве **гипотез** исследования выступили следующие предположения:

- 1) Подростки с различным опытом в ситуациях кибербуллинга отличаются по эмоционально-волевым и коммуникативным характеристикам личности.
- 2) Подростки, инициирующие кибертравлю и являющиеся ее жертвами, отличаются более низкой самооценкой в сравнении с подростками, не включенными в ситуации кибербуллинга.
- 3) Существуют специфические особенности ценностных ориентаций у подростков с различным опытом в ситуациях кибербуллинга.

Для достижения цели и проверки гипотез исследования решались следующие задачи:

- 1) Изучить опыт включенности в кибербуллинг подростков (частота вовлеченности в ситуации КБ, роли, виды и каналы кибербуллинга, связь с половозрастными характеристиками).
- 2) Провести сравнительный анализ эмоционально-волевых и коммуникативных характеристик подростков с различным опытом кибербуллинга.
- 3) Провести сравнительный анализ особенностей самооценки.
- 4) Провести сравнительный анализ особенностей ценностных ориентаций.
- 5) Изучить корреляционные связи показателей опыта при столкновении с ситуациями кибербуллинга и личностными характеристиками.

Для выполнения задач исследования использовались следующие методы:

- Анкета для выявления опыта включенности в кибербуллинг;
- «Многофакторный личностный опросник» Р. Кеттелла;

- Методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан;
- Ценностный опросник Ш. Шварца;
- Опросник агрессивности Басса-Дарки;
- Тест школьной тревожности Филлипса.

Теоретическая значимость исследования – расширено представление о личностных особенностях подростков, имеющих различный опыт включенности в ситуации кибербуллинга, как особой формы девиантного поведения.

Практическая значимость исследования – результаты могут применяться в психопрофилактической и психокоррекционной работе с детьми, имеющими высокий риск или актуальный опыт включенности в кибербуллинг, в роли «жертвы», «агрессора», «наблюдателя».

ГЛАВА 1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Особенности девиантного поведения в подростковом возрасте

В современной психологии под девиантным поведением понимается совокупность действий, противоречащих нормам, принятым в обществе [1, 2, 8, 11, 19, 23, 43]. При этом под социальной нормой понимается совокупность требований и ожиданий, которые предъявляет социальная общность (группа, организация, класс, общество) к своим членам с целью регуляции деятельности и отношений [12, 22, 23, 43, 54]. Нарушения социально принятых норм наносят ущерб не только самим людям, но и общественному благосостоянию и окружению.

Змановская Е.В. выделяет следующие формы девиантного поведения, опираясь на вид нарушаемой нормы и негативные последствия отклоняющегося поведения:

- антисоциальное (внешнедеструктивное) – нарушающее правовые нормы, угрожающее окружающим людям и социальному порядку;
- асоциальное (смещенно-деструктивное) – уклоняющееся от выполнения морально-нравственных норм, угрожающее межличностным отношениям;
- диссоциальное (аутодеструктивное) – отклоняющееся от медицинских и психологических норм, угрожающее самой личности [11].

Менделевич В.Д. как отдельную форму девиантного поведения выделяет также патохарактерологический и психопатологический типы, а также тип, обусловленный гиперспособностями человека. Патохарактерологический тип предполагает поведение, обусловленное изменениями характера, сформировавшимися при воспитании. Психопатологический тип представлен психопатологическими симптомами и синдромами, являющимися проявлениями психических расстройств. Обусловленный гиперспособностями

тип предполагает поведение, связанное с проявлениями специальных способностей (одаренность, талант, гениальность).

В отечественной клинической психологии принято выделять патологические и непатологические формы девиантного поведения. При разграничении патологических форм девиантного поведения от непатологических В.В. Ковалев опирается на наличие в анамнезе патохарактерологического синдрома – отклоняющегося поведения за пределами привычной среды, сочетания различных действий девиантного характера с невротическими проявлениями [16].

Патологические формы отклоняющегося поведения соотносятся с расстройствами поведения (F-91) по Международной классификации болезней (МКБ-10, 1994). В данную рубрику входят:

- F-91.0 – расстройства поведения, ограничивающиеся семейным окружением;
- F-91.1 – несоциализированное расстройство поведения;
- F-91.2 – социализированное расстройство поведения;
- F-91.3 – оппозиционно-вызывающее поведение.

Патологические девиации в поведении могут также сопровождаться эмоциональными нарушениями (F-92 – смешанные расстройства поведения и эмоций), например, депрессией (F-92.0 – депрессивное расстройство поведения).

Широкая распространенность девиаций поведения в подростковом возрасте подчеркивает актуальность проблемы профилактики и психологической помощи [62].

Одним из ведущих свойств девиантного поведения является его деструктивность (причинение вреда, разрушение), которая, в свою очередь, порождается агрессией, направленной на других или себя. Агрессивное поведение (действия, побуждаемые агрессией и агрессивностью), включает:

- враждебную установку – восприятие личностью реальной или мнимой угрозы со стороны ситуации или других людей (идеи, фантазии, недоверие, подозрительность);
- агрессивные эмоции: гнев, обида, ненависть;
- агрессивные действия и насилие.

Агрессия характеризуется направленностью, формами проявления, интенсивностью. Целью агрессии может быть нанесение вреда жертве или реализация с ее помощью других умыслов. В связи с этим описывают два основных вида агрессии: враждебную и инструментальную [12].

Существует несколько форм агрессии: прямая-косвенная; вербальная-физическая; конкретная-символическая (применение физической силы-использование жестов). Повторяющееся умышленное причинение вреда одним и тем же подростком или группой другому подростку, который в данной ситуации оказывается неспособным себя защитить и лишен возможности ее покинуть, называется буллингом [6, 19].

Причины возникновения девиантного поведения различаются в зависимости от формы. Они могут быть связаны с условиями воспитания, особенностями физического развития и социальной среды. Истоки проблем могут лежать в поиске признания, в отсутствии внимания со стороны родственников и друзей, снятии напряжения с помощью различных веществ или стремлением изменить «статус-кво» [54]. Переживания неудовлетворенности собой, неспособность контролировать и регулировать собственные эмоциональные состояния определяют девиантные проявления в поведении [43].

Подростковый возраст – период жизни человека от детства до юности в традиционной возрастно-психологической периодизации (от 11-12 до 14-15 лет) [5]. Для подросткового возраста характерна ярко выраженная потребность в самоутверждении. Происходит социальная переориентация личности, которая выражается в появлении «комплекса взрослости» [28].

Поведение подростков часто носит протестный характер. Это возраст противоречивых состояний, мотивов, ценностных ориентации и поступков. Для этого периода характерна излишняя восприимчивость к чужому мнению и, как следствие, повышенная ранимость, несдержанность и бурные реакции на различные обстоятельства [4].

На асоциально-агрессивное поведение подростков, в свою очередь, влияют неуверенность в себе в сочетании с невысокой самооценкой, завышенный уровень притязаний и напряжение при общении со сверстниками, стремление к новым ярким эмоциям и ощущениям, предрасположенность к подражанию кумирам, навязчивые формы поведения, сниженные навыки бесконфликтного общения [19].

Выделяются гендерные различия в проявлениях девиантного поведения. Подростки мужского пола чаще решают возникающие проблемы с помощью агрессии, используя прямую и физическую агрессию [15]. В то время как чувство вины за содеянное сильнее ощущают подростки-девочки и чаще применяют косвенную, вербальную и аутоагрессию [15, 39].

При изучении возрастных особенностей детей с девиантным поведением, было выявлено, что для младших подростков характерны высокий уровень агрессии, враждебность, недоверчивость, подозрительность, обидчивость, импульсивность. Для них характерны эгоцентричность и неустойчивость психических процессов, а также высокий уровень личностной тревожности. У старших же подростков уровень аффективных реакций снижается, повышается волевой контроль и избирательность эмоциональных реакций, однако усиливается лживость, скрытность в общении с окружающими, им свойственен такой защитный механизм как отрицание [14].

По многочисленным данным, подростки с девиантными формами поведения более склонны к интернет-зависимости, чем обычные подростки [10]. И наоборот, учащиеся, определяемые как интернет-зависимые, по данным исследований, предрасположены к девиантному поведению [18, 34].

Исследователями были проанализированы страницы в социальных сетях подростков с девиантным поведением [10]. Отмечается, что они реже обновляют фото профиля и чаще предпочитают картинки, чем свои собственные изображения. Чаще всего они находятся в группах предпочитаемых ими онлайн-игр и заходят на страницы «пабликов», где разрешен «флуд» и «флейм». Подчеркивается, что подростки с девиантным поведением в Интернете создают преимущественно такой же асоциальный образ, как и в реальной жизни.

Те подростки, которым трудно общаться в Интернете со своими друзьями, проводят больше времени в Сети, взаимодействуя с малознакомыми людьми. Там же они подвергаются эскапизму, который потом может трансформироваться в девиантное поведение, так как имеющиеся у них проблемы никак не решаются при таких взаимодействиях в онлайн-пространстве, а только усугубляются [18].

В настоящее время все большее внимание исследователей привлекает проблема кибербуллинга. Отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что кибербуллинг – это особая форма девиантного поведения, и подчеркивают важность социально-психологических и клинико-психологических исследований опыта онлайн-травли в подростковой среде [1, 8, 29, 32, 33, 53, 55, 63, 79].

В большинстве эмпирических исследований кибербуллинг изучается как непатологическая форма девиантного поведения подростков. В таких работах предметом изучения становятся особенности респондентов без клинически установленных психических расстройств. Однако это не снижает остроты данной социальной и клинико-психологической проблемы. Признается, что кибербуллинг является одним из факторов роста насилия и суицидального поведения среди подростков.

Авторы выделяют общие черты кибертравли и других форм девиантного поведения: деструктивность, моральное и психологическое насилие, доминирование, социальное равнодушие, пренебрежение общечеловеческими

ценностями, постоянное воспроизведение действий, способствующих закреплению девиаций, риск социальной изоляции. Разные виды кибертравли имеют значимые связи преимущественно со склонностью школьников к аддиктивному поведению, в меньшей степени – к делинквентному поведению и преодолению норм и правил в целом [8].

1.2 Клинико-психологические аспекты кибербуллинга в подростковом возрасте

1.2.1 Понятие кибербуллинга

Интернет-среда для подростков с девиантным поведением является пространством, где они могут повысить свою самооценку, претворить в жизнь разные возможности и самореализоваться, что в реальной среде они сделать не могут из-за налагаемых на них ограничений и неодобрения со стороны общества.

По данным исследований, 98% российских подростков и молодых людей в возрасте 13-24 лет ежедневно проводят время в Интернете, преимущественно в социальных сетях, онлайн-играх, видеохостингах. 27% молодежи, проводя время в социальных сетях в течение 5 часов, в 78% случаях переписываются с друзьями, а в 10% – следят за новостями [8, 37].

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что молодые люди, совершившие травлю в Интернете, с большей вероятностью будут нарушать правила и будут склонны к повышенной агрессии [83].

В нескольких исследованиях указывалось, что дети как в киберпространстве, так и в реальной жизни, склонные к девиантному поведению, вероятно, будут иметь низкий уровень социальной поддержки со стороны сверстников и (или) низкую успеваемость в школе [52, 60].

Исследуя кибербуллинг и его влияние на формирование девиантного поведения, авторы обнаружили, что кибертравля имеет прямое отношение к

преступному поведению и употреблению психоактивных веществ [45, 53, 55, 58, 63]. Приводится следующее объяснение такой закономерности. Во-первых, в онлайн-пространстве чувство отдаленности от объекта травли может поощрять хулиганов, поскольку они полагают, что их действия не имеют прямых непосредственных последствий в социальном взаимодействии. В связи с этим сообщения могут быть более агрессивными [67]. Во-вторых, «эмоциональный индикатор», присутствующий в реальных межличностных конфликтах, отсутствует в онлайн-среде, что может привести к более выраженному враждебному и агрессивному поведению [60].

В настоящее время достаточно остро стоит проблема буллинга среди школьников. Под буллингом понимается преднамеренное поведение нанесения неоднократного вреда жертве, которой трудно себя защитить. Он основан на дисбалансе власти и может быть определён как систематическое злоупотребление ею [72]. В последние годы в связи с возрастающим интересом и доступностью социальных медиа, таких как Вконтакте, Instagram, Facebook, Snapchat, Twitter, Tiktok и др., традиционный буллинг перемещается в интернет-пространство. Эта тенденция привела к формированию такого феномена как кибербуллинг.

В научной литературе представлено несколько определений данного понятия, что, в свою очередь, определяет различия в задачах исследований [70].

Так, кибербуллинг понимается как умышленный и неоднократный вред, причиненный с использованием компьютеров, мобильных телефонов и других электронных устройств [6, 58, 59]. В других определениях уточняются субъекты кибертравли и их цели: кибербуллинг – это любое поведение, совершаемое с помощью электронных или цифровых средств массовой информации отдельными лицами или группами людей, которые неоднократно отправляют враждебные или агрессивные сообщения, предназначенные для нанесения вреда или причинения дискомфорта другим [8, 55, 75, 76]. Даются также определения, в которых подчеркивается наличие беспомощности жертвы травли: кибербуллинг – агрессивные, умышленные, продолжительные во

времени действия, совершаемый группой лиц или одним лицом с использованием электронных форм контакта и повторяющееся неоднократно в отношении жертвы, которой трудно защитить себя [6, 7, 33, 44, 70].

Таким образом, различные определения кибербуллинга объединяет указание на использование электронных средств коммуникации, умышленность и повторяемость действий, дисбаланс власти субъекта и объекта травли.

Помимо установления общественных отношений и поиска информации социальные сети снижают подавление эмоций (таких как гнев) у подростков. Также ощущение анонимности и возможность имперсонации повышают риск агрессивного поведения и популярность использования данных каналов не только среди агрессоров, но и среди жертв традиционного буллинга, стремящихся отомстить обидчикам [51].

По данным зарубежных исследователей, в среднем, примерно, 20-40% подростков сообщают о том, что они подвергаются кибербуллингу [77]. В России же, 49% детей в возрасте от 8-17 лет сталкивались с кибертравлей [37]. Однако, как отмечает Е.Н. Волкова с соавторами (2019), точные данные по распространению кибербуллинга среди российской молодежи еще не сформированы и варьируются от 6 до 62%. Россия занимает одно из первых мест среди 25 стран по распространенности интернет-травли, таких как Индия, Япония, Китай, Малайзии, Катар, Пакистан, Франция, Польша, Бразилия, Марокко, Испания, и другие [7, 37].

Исследования показывают, что кибербуллинг приносит больше вреда, чем традиционная травля. Главными чертами и в то же время отличиями кибербуллинга, являются:

- анонимность;
- зависимость от технологического опыта;
- носит скорее косвенный, а не личный характер;
- отсутствие у исполнителя восприятия реакции жертвы;
- большая вариативность роли наблюдателя: может находиться вместе с жертвой, когда отправляется сообщение, когда она его получает и др.;

- ограниченные возможности у исполнителя кибербуллинга демонстрации власти над другими перед наблюдателями, как при традиционном буллинге;
- расширение аудитории свидетелей;
- отсутствие безопасного ухода от кибербуллинга (так как жертве могут быть отправлены сообщения на их мобильный телефон и на веб-сайты, которые они посещают);
- отсутствие надзора в электронных средствах массовой информации в том числе правоохранительными органами;
- повышенный уровень тревоги у жертвы из-за невозможности отследить агрессора;
- возможность кибертравли в любое время (в отличие от традиционного буллинга, который имеет место обычно в школьное время);
- жертвы отказываются или боятся обращаться за помощью;
- способствование смене роле жертва-агрессор, агрессор-жертва [6, 8, 17, 24, 25, 76, 77].

Анонимность может обеспечить ощущение безопасности для исполнителей и уменьшает страх быть пойманным. Увеличивается уровень пережитого страха у жертв, поскольку потенциально любой может быть исполнителем, включая друзей или других людей, которым они доверяют. Кроме того, анонимность также увеличивает уровень разочарования, неуверенности в себе, страха и бессилия. Анонимность уменьшает контроль над ситуацией. Это может привести к усилению чувства беспомощности и более высокий риск депрессивных симптомов [76]. Также при анонимности возможно появление эффекта растормаживания — вседозволенности из-за отсутствия страха наказания [6].

Исследователи приводят несколько возможных причин восприятия кибербуллинга как более опасного явления, чем традиционный буллинг, независимо от гласности/анонимности сообщений. Во-первых, онлайн-травля снижает удовлетворенность процессом использования Интернета и мобильных

телефонов, которые считаются современными подростками необходимыми для социальной жизни. Во-вторых, подростки опасаются, что взрослым не хватает конкретных знаний, чтобы помочь им в случаях кибертравли, соответственно, уведомление взрослых может привести только к дальнейшим осложнениям [72]. Наконец, подростки опасаются ограничений доступа к своим устройствам, который возможен в случае огласки опыта столкновения с кибербуллингом [72],

Исследователи отмечают, что информированность общества о кибербуллинге и его последствиях недостаточна, что определяет рост случаев данного негативного социального явления. В большей степени общество осведомлено о традиционном буллинге [44].

1.2.2 Виды кибербуллинга и роли участников

Кибербуллинг может осуществляться через несколько средств массовой информации: мобильные звонки, SMS-сообщения, изображения, видеоролики, электронную почту, мгновенные сообщения, чаты, в онлайн-играх и на веб-сайтах. Для использования различных средств требуется разный уровень технологического мастерства. Исследования показывают, что дети с более богатым технологическим опытом имеют большую предрасположенность к кибертравле [71].

Исследователями изучалась распространенность различных видов кибербуллинга. Обнаружено, что кибербуллинг через мобильные звонки, SMS-сообщения и сообщения в социальных сетях имеет большее распространение, а через чаты и электронную почту – меньшее. При этом кибербуллинг, совершающийся в открытом публичном интернет-пространстве, воспринимается как более серьезный и опасный [71, 72].

Другие авторы получили данные о наибольшей распространенности кибербуллинга в социальной сети Facebook и на видеохостинге YouTube [44]. SMS-сообщения и веб-сайты оцениваются как менее опасные каналы, а

сообщения через электронную почту и чаты – менее действенные [70]. Наиболее действенными и приводящими к своей цели принимаются такие виды онлайн-агрессии как использование фото и видео,

Содержание сообщений в КБ может включать: угрозу физического насилия, оскорбительный или ненавистный контекст, навешивание ярлыков (в том числе, гомофобию), угрозу смерти, окончание платонических отношений, сообщения сексуального характера, предъявления требований или инструкций, нанесение ущерба существующим отношениям, а также цепочки угрожающих сообщений [71].

Выделяют следующие виды кибербуллинга [3, 17, 25, 33, 37, 60].

- харрасмент (или домогательства, нападки) – обмен негативными сообщениями между двумя или более людьми. Большинство исследований относят к такому виду КБ сообщения с различными формами враждебности, агрессией, запугиваниями, оскорблениями, сарказмом и др. Обычно в таких текстах используются прописные буквы, чтобы показать гнев и крик, чрезмерные знаки препинания и ненормативная лексика. Неоднократная отправка этих сообщений является формой преследования;
- очернение – распространение заведомо ложных сведений. Например, при публикации фиктивных историй, неправдивых сообщений об отдельных лицах на сайтах социальных сетей, личных веб-страницах и в различных блогах. При этом «жертвы» не могут удалять эту информацию, если «агрессор» создал свою учётную запись под ложным именем, или не имеют доступа к удалению клеветы;
- имперсонация (кетфишинг) – акт введения в заблуждение. Создается новый аккаунт, где размещается информация от лица «жертвы». Является самой простой формой онлайн-травли, при которой невозможно проследить, кто опубликовал запись, и проверить, точна ли представленная информация;

- фрейпинг – получение учетной записи другого человека преследователем и распространение с нее нежелательного контента;
- диссинг (нелегальное размещение информации) включает в себя обмен смущающей, личной информацией о другом человеке в электронном виде. Информация может передаваться через электронные письма, текстовые сообщения, чаты или размещаться на веб-страницах, в Facebook или блогах;
- исключение и остракизм – удаление или блокирование кого-либо из списка друзей, чатов, интернет-групп или игровых сайтов;
- киберсталкинг – умышленное преследование в интернет-пространстве «жертв»;
- угрозы физической расправы – могут использоваться угрозы нанесения как легких, так и тяжелых телесных повреждений, убийства;
- хеппислепинг – публикация в Интернете видео с участием жертвы, в котором присутствует физическое насилие или нападение, с целью вызвать более сильное чувство вины;
- киберсуицид – недавно появившийся вид кибербуллинга, при котором подростки договариваются вместе покончить с жизнью, мотивируя это тем, что делать это с кем-то легче, чем в одиночку;
- гриферство – нанесение вреда в игровом процессе;
- флейминг – бесцельный обмен сообщениями, сопровождающийся негативными эмоциями;
- секстинг – распространение или обмен фото- и видеоматериалами сексуального характера;
- троллинг – речевая провокация с целью эскалации коммуникативного конфликта [33]. Специалисты расходятся во мнении о причислении троллинга к видам кибербуллинга. Одни авторы выделяют его как отдельный вид онлайн-травли, другие же – рассматривают как отдельный вид агрессии в Интернете.

При кибербуллинге ребёнок или подросток может выступать в качестве «жертвы», «агрессора» или «наблюдателя».

«Агрессор» намеренно посылает сообщения, чтобы угрожать, запугивать, причинять боль или унижать другого человека [3, 6, 8, 17, 24, 25, 37, 60, 76, 77].

«Жертва» подвергается нападкам, унижениям, оскорблениям или угрозам в Интернете [3, 17, 25, 33, 37, 60].

«Наблюдатель» является свидетелем оскорбительных сообщений, издевательств, угроз в адрес других в Сети. Обычно «наблюдатели» подвергаются сильному воздействию со стороны сверстников, на них оказывают значительное влияние исполнители КБ [60, 65, 69,].

В киберпространстве сверстники, наблюдающие за кибербуллингом в адрес других, могут более или менее активно способствовать его реализации в случае, если передают секреты, нарушая конфиденциальность, или разоблачают унижительные и смущающие тексты и фотографии. Со стороны «наблюдателей» также возможна безучастность или противодействие кибербуллингу в случае, если они удаляют, блокируют или сообщают о кибератаках [65]. Более того, проявляя сострадание и сочувствие, «наблюдатели» могут стать защитниками, которых видят другие: подростки вмешиваются, если они считают, что издеательства причиняют значительный вред «жертве». В свою очередь, оценка «наблюдателем» кибербуллинга в адрес других как «безвредного» может быть связана со склонностью к агрессивному поведению [69].

Являясь участниками кибербуллинга, «жертвы», «агрессоры» и «наблюдатели» могут менять роли [51, 82]. Так, «жертвы» могут впоследствии стать инициаторами травли, и, наоборот, «агрессор» становится «жертвой». Кроме того, «наблюдатели» также могут стать обидчиками или «жертвами», если захотят присоединиться к этим группам [60].

1.2.3 Факторы предрасположенности к включению в кибербуллинг

В силу особой социальной значимости и риска неблагоприятных клинико-психологических последствий кибербуллинга исследователи акцентируют внимание на факторах предрасположенности к данному опыту. Описаны факторы предрасположенности как к роли «агрессора», так и позиции «жертвы» кибертравли.

Определено, что риск стать «жертвой» кибербуллинга повышается с увеличением частоты опыта задирания других. Другими факторами риска называются онлайн-контакты с незнакомыми людьми и использование веб-сайтов. При этом такие индивидуальные характеристики, как излишний вес или худоба, слишком высокий и низкий рост не являются факторами риска стать «жертвой» [49].

Представлены данные о половозрастных особенностях детей как факторе риска определенных ролей в КБ. Так, чаще всего онлайн-травля встречается в восьмом классе (12,9%) [77] и в целом в подростковом возрасте [33]. Подростки старше 15 лет чаще были агрессорами, в сравнении с 10-14-летними [73]. Опубликованы также данные о виктимизации учащихся 2-4 классов, [7]. Обнаружены данные, не согласующиеся с вышеперечисленным исследованием, утверждающие, что возраст не является фактором предрасположенности к кибертравле [51].

В литературе представлены противоречивые данные по полу как фактору риска кибербуллинга. Так, часть исследователей указывает, что вероятность стать «жертвой» не зависит от пола [77, 67, 83], другие авторы отмечают независимость предрасположенности к любой роли в кибербуллинге от пола [48, 73]. Другие же исследователи отмечают более высокий риск стать «жертвой» у девушек [30], а «агрессором» – у мальчиков [71].

Также в качестве факторов предрасположенности к роли «жертвы» КБ были описаны этническая, культурная принадлежность и религиозные предпочтения [78].

Выявлена связь с показателем времени ежедневного использования Интернета. Так, в исследовании Ybarra, M. L., & Mitchell, K. J. (2004) отмечается, что те подростки, кто проводил в Интернете три часа и более, в 2,5 раза больше склонны быть не только «агрессором», но и «жертвой» кибербуллинга.

Уровень дохода семьи и академическая успеваемость учеников не являются факторами, определяющими роли при кибербуллинге: роль исполнителя или «жертвы» [51]. Респонденты, родители которых менее вовлечены в использование Интернета, имеют более высокие шансы стать «агрессорами» [80].

Выявлена различная предрасположенность к ролям в кибертравле в зависимости от типа школ: учащиеся государственных школ оказались более склонны к роли «исполнителя» и «жертвы», чем школьники из частных школ несмотря на то, что в частных школах чаще использовались компьютеры. Таким образом, частота использования информационных коммуникативных технологий оказывается предиктором кибербуллинга для учащихся государственных школ, но не для частных учебных заведений [51].

В некоторых работах показано, что «жертвы» одновременно являются и исполнителями буллинга в киберпространстве [51, 83].

Обнаружена связь склонности к традиционному буллингу и КБ: подростки, ставшие жертвами буллинга, являются жертвами и при онлайн-травле [8, 38, 47, 68, 59, 69, 64, 73, 79]. Некоторые дети используют традиционное задиранье в сочетании с кибербуллингом, чтобы максимизировать эффект от агрессивного поведения [77].

Исследователи также пытаются ответить на вопрос, повышается ли уровень виктимизации при кибербуллинге у детей и подростков с нарушенным развитием. В целом ряде работ отмечается, что дети с особенностями в развитии показали уровень виктимизации значительно выше, чем обычные сверстники [57, 60]. Выявлено, что дети с особенностями развития (например, расстройствами аутистического спектра, трудностями обучения) подвергаются

особому риску при вовлечении в онлайн-деятельность из-за снижения способности критического мышления и ограничений социальных контактов [60]. При этом учащиеся с расстройством аутистического спектра демонстрируют более высокие показатели виктимизации в сравнении с детьми с интеллектуальной недостаточностью и без нарушений в развитии [60].

Дети с нарушениями развития, которые стали «жертвами», в большей степени склонны ощущать одиночество и низко оценивать самооценку, в сравнении со сверстниками, не подвергающимися кибербуллингу [60].

Было показано, что дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) имеют более высокий риск стать как «жертвами», так и «исполнителями» и традиционного буллинга, и кибербуллинга. При этом учащиеся с СДВГ чаще подвергаются кибербуллингу через мобильный телефон по сравнению с их сверстниками, не имеющими данного синдрома [57].

1.2.4 Клинико-психологические последствия вовлечения подростков в кибербуллинг

В современных исследованиях подчеркивается негативная роль явления кибербуллинга для психического здоровья вовлеченных в него участников. Выявлены более серьезные клинико-психологические последствия для «жертв» кибертравли. Отмечаются негативные эмоциональные состояния: подавленное состояние, панические атаки, повышение тревожности, переживание серьезных эмоциональных травм вплоть до суицида [3, 17].

Демонстрируется также негативное влияние данного явления на психологическое благополучие «агрессоров» и «наблюдателей». У «агрессоров» отмечаются проблемы с социальной адаптацией, повышение риска переживания одиночества, сужения круга общения в связи с завышенной самооценкой, склонности к нарциссизму, агрессивности, авторитарности, цинизму [3, 45]. У «наблюдателей» увеличивается риск эмоциональных

расстройств, повышения нервно-психического напряжения и неуверенности в себе [3].

Многие исследователи указывают, что кибертравля провоцирует суицидальное поведение у подростков [17, 37, 38, 50, 62, 68,]. Подростки-жертвы совершают попытки самоубийства почти в 2 раза чаще, чем другие группы подростков [58]. При этом по данным ВОЗ, Россия лидирует в количестве подростковых самоубийств. Молодые люди, которые испытали традиционный или онлайн-буллинг в роли «агрессора» или «жертвы», имели больше суицидальных мыслей и с большей вероятностью пытались покончить жизнь самоубийством, чем те, кто не имел такого опыта [70].

«Жертвы» кибербуллинга, по словам авторов, настолько напуганы возможным нападением или причинением вреда, что склонны к пропускам учебных занятий [38, 45, 70]. Отмечается, что школьники, подвергающиеся кибертравле, в восемь раз чаще остальных учащихся, в том числе «агрессоров» в КБ, носят с собой оружие в школу [48].

Была обнаружена корреляция между частотой столкновения с кибертравлей в роли «жертвы» и принятием алкоголя и алкогольной зависимостью, наркоманией, пропусками занятий в школе, причастностью к вандализму, кражам в магазинах. Исследователи предполагают, что чувство одиночества и депрессия может привести как «агрессоров», так и «жертв» к участию в издевательствах и преступлениях [67, 82].

Выявлено, что кибертравля связана с психиатрическими и психосоматическими проблемами. Так, последствиями онлайн-буллинга являются головные боли, повторяющиеся боли в животе, проблемы со сном, депрессия, повышенный уровень тревоги, соматизация и враждебность [46, 74, 79]. «Жертвы» и «агрессоры-жертвы» подвержены риску психических расстройств [46].

«Жертвы», столкнувшись с агрессией в Сети, могут испытывать эмоции гнева, печали, беспокойства, смущения, плача, страха и самообвинения. В качестве последствий упоминаются: ухудшение концентрации внимания,

снижение успеваемости [70]. Также после онлайн-травли они сталкиваются с разочарованием и недоверием к другим людям, ночными кошмарами и социальной изоляцией [3, 70], чувствуют себя более бесполезными, бессильными, одинокими [6, 40, 50, 70, 81].

У тех, кто подвергается виктимизации и в реальной жизни, и в виртуальной, существует более высокая вероятность вспышки экстремального стресса [38]. Такие случаи характеризуются как «двойной удар» и вызывают целый ряд проблем: социальные и поведенческие трудности, негативную оценку от сверстников, низкую самооценку и одиночество [70]. Кроме того, опасения за свою безопасность сильнее в случае КБ, чем при традиционном издевательстве, потому что традиционная травля происходит в основном в школьной среде, и жертва, по крайней мере, чувствует себя в безопасности дома.

«Жертвы» КБ чаще используют эмоционально ориентированные стратегии совладания со стрессом, который они испытывают в результате КБ [81]. Они более склонны к таким способам совладания как «бегство-избегание» [40, 69, 70], «поиск социальной поддержки», «сублимация» [70].

Одним из последствий кибербуллинга является изменение в онлайн-коммуникации. Подвергшиеся кибербуллингу становятся в дальнейшем более осторожными в общении, использовании Интернета и их передвижениях в виртуальной реальности. Эти изменения проявляются в создании когнитивного паттерна для идентификации «агрессоров». «Жертвы» могут полностью отказаться от возможности общения в Интернете, либо жестко ограничить его после издевательства [70].

1.2.5 Анализ исследований личностных особенностей подростков, вовлеченных в кибербуллинг

Предметом ряда исследований последнего десятилетия стали некоторые личностные особенности подростков, включенных в ситуации кибербуллинга.

Представлены данные по самооценке, ценностным ориентациям, особенностям общения и поведения, проявлениям некоторых черт характера, социально-эмоциональным аспектам.

По данным отечественных и зарубежных исследований, подростки, подвергающиеся интернет-травле, являются уязвимыми в отношении стрессовых ситуаций, имеют поведенческие и эмоциональные проблемы.

По многочисленным данным, «жертвы» и «жертвы-агрессоры» имеют тенденцию к низкой самооценке [3, 6, 19, 31, 44, 50, 52, 56, 60, 61, 64, 66, 68, 70, 74]. «Агрессорам», не имеющим опыт «жертвы», свойственна завышенная самооценка [3, 31, 45]. На изменение самооценки может повлиять такой вид кибербуллинга как исключение и остракизм. Подростки, подвергшиеся этому воздействию, сообщали о снижении самооценки и оценки значимости жизни на фоне ухудшения настроения [60].

Отмечается, что подростки, над которыми издевались в Сети, отличаются повышенной тревожностью [3, 24, 74]. «Агрессоры» так же чувствуют себя более одинокими [50, 70]. Страх стать жертвой, чувство беспомощности демотивируют «наблюдателей» вмешиваться [3, 69].

Многие авторы при изучении участников кибертравли обращают внимание на особенности социального окружения, способствующего удовлетворению психологических потребностей и веры в эффективность собственных действий. Так, «жертвы» онлайн-издевательств ощущают самоэффективность, более низкие уровни благополучия, чем те, кто не пострадал, а также меньшую социальную поддержку, как и дети, не вовлеченные в КБ [38, 40, 50, 69, 81]. Подростки испытывают подобные чувства после распространения фото/видео в Сети [50]. «Наблюдатели», характеризующиеся высоким уровнем социальной поддержки со стороны значимого человека и высоким восприятием самоэффективности, проявляют активную позицию, оказывая помощь кибер-жертвам, а те, у кого низкие показатели по данным характеристикам, полагают, что не способны помочь «жертвам» [65].

С другой стороны, чем ниже социальная поддержка у подростка, тем ниже уровень самооффективности; чем более одинокими они себя чувствуют и реже испытывают чувство благополучия, тем более они склонны участвовать в КБ и быть более жестокими [50].

Целый ряд исследований был посвящен изучению способности к эмпатии и социальных навыков у подростков с различным опытом кибербуллинга. Выявлено, что подростки, подвергающиеся кибертравле, имеют более высокий уровень эмпатии, но при этом наиболее неудовлетворительные социальные отношения в сравнении с «агрессорами», «жертвами-агрессорами», жертвами и агрессорами из традиционного буллинга и не вовлеченными в онлайн-травлю [42]. Показано, что способность к эмпатии и успешная социальная идентификация могут увеличить вероятность вмешательства и противодействия кибербуллингу у «наблюдателя» [3, 69]. «Наблюдатели», которые идентифицируют себя с «жертвой», имеют более высокий уровень эмпатии в сравнении с теми, кто идентифицируется с «агрессором» [3]. «Агрессоры» же характеризуются низким уровнем эмпатии, сотрудничества, нехваткой социальных навыков [3, 32, 42].

Так как одним из свойств онлайн-травли является деструктивность, порождаемая агрессией, отечественные и зарубежные исследователи изучают значимые ее особенности у участников кибербуллинга. Так, подростки с высоким уровнем включенности в ситуацию КБ демонстрируют более высокий уровень враждебности и вербальной агрессии [25]. У подростков с низким уровнем включенности — преобладают терминальные ценности: сфера семейной жизни и стремление к достижениям [25].

Высокий уровень импульсивности, агрессивного отношения к социальному окружению и стремление к доминированию у мальчиков-подростков способствует более активному проявлению агрессивных реакций в Интернете, включая все виды КБ. Высокий уровень импульсивности у девочек способствует распространению оскорбительных сообщений, публикации персональной информации о ком-то и стремлении снять на видео сцену драки.

Чем агрессивнее девушки и юноши относятся к социальному окружению и больше стремятся к доминированию, тем чаще они сталкиваются с онлайн-травлей [41].

Данные об уровне агрессивности у подростков с различным ролевым поведением в кибербуллинге довольно противоречивы. Так, Мишина отмечает, что у «жертв» и «агрессоров» является примерно одинаковый уровень агрессии [24]. Другие авторы приписывают агрессивное поведение и повышенную импульсивность только «агрессорам» [3, 32]. Также акцентируется внимание на склонности к самоповреждающему, саморазрушающему и зависимому поведению у подростков, инициирующих травлю [40, 70].

Отмечается, что подростки, подвергающиеся травле, характеризуются более выраженной тенденцией к гиперсоциальному поведению, зачастую инициируя агрессивные действия по отношению к себе, демонстрируя виктимное поведение, предполагающее провокацию агрессора, инициирование конфликтных ситуаций, проявление обидчивости и ранимости [40, 69].

Ряд исследователей, изучая эмоционально-личностные и коммуникативные особенности «жертв» и «агрессоров», обнаружили сходные черты подростков обеих групп. Так, для них характерны склонность к переживанию разочарования, апатии, депрессии, гнева, а также низкая самооценка, трудности социальной адаптации или социальная изоляция. Кроме того, подростки-жертвы и подростки-агрессоры сообщали, что чувствовали себя менее защищенными в школьной среде, имели более низкую уверенность в себе и большую склонность к суицидальным мыслям, в сравнении с подростками, не вовлеченными в кибербуллинг [50, 70, 74]. Сходство между «агрессорами» и «жертвами» было выявлено не только для нормотипичных подростков, но и для детей с особенностями развития. Результаты показали более низкие академические достижения, более низкую самооценку и высокую тревожность, в обеих группах детей с нарушениями развития [57].

В отдельных исследованиях представлены личностные особенности, характерные только для одной группы подростков с опытом КБ. Так,

«агрессорам» в большей степени присущи максимализм, социальный пессимизм, высокий антисуицидальный фактор [20], демонстративность, желание быть в центре всеобщего внимания, самоуверенность, желание быть лидерами в группе [3, 32]. У «агрессоров» исследователи отмечают более низкий уровень самоконтроля в сравнении с подростками, не сталкивающимися с КБ [40, 42]. Для подростков, инициирующих травлю, характерны высокий риск расстройств поведения, гиперактивность, склонность к курению, употреблению алкоголя и психоактивных веществ, низкий уровень просоциального поведения [74]. Отсутствие четкого родительского контроля являлось предиктором в увеличении вероятности склонности к агрессивному поведению в Интернете [82].

Исследования, описывающие характеристики «жертв» кибербуллинга, свидетельствуют о низком социальном статусе в их возрастной группе, низком уровне социальной интеграции, поведенческих проблемах в школе и проблемных отношениях с родителями и учителями [60, 74]. Также было обнаружено, что подростки, подвергавшиеся травле, чаще всего были из неполных семей [74].

Повышенная социальная тревожность среди «жертв» неоднократно описывается в исследованиях [38, 42, 64, 69]. По сравнению с детьми, не участвующими в издевательствах, подростки, которые одновременно являются «жертвами» и «агрессорами», острее реагируют на стрессовые ситуации, выражая эмоции злости или раздражения [81].

Предметом ряда исследований стали личностные особенности подростков, которые не участвовали в онлайн-травле в какой-либо роли. Отмечается, что в сравнении с другими участниками КБ они имеют более адаптивные психосоциальные и эмоциональные профили. Подростки без опыта КБ имеют более низкие показатели психопатических черт («черствость-бесстрастность» и «импульсивность-безответственность») и эффекту растормаживания в Сети [40, 42]. Они имеют более высокий уровень социально адаптированности [52]. Для них характерны использование защитных способов

поведения, позволяющих избегать опасные ситуации, сниженная мотивация достижения и спонтанность, стремление к соблюдению норм и правил, стабильность установок, стремлений и целей [40].

Выводы к ГЛАВЕ 1

- 1) Кибербуллинг признается особой формой девиантного поведения. Выделяют следующие общие черты кибертравли и других форм поведенческих девиаций: деструктивность, доминирование, моральное и психологическое насилие, социальное равнодушие, пренебрежение общечеловеческими ценностями, постоянное воспроизведение действий, способствующих закреплению девиаций, риск социальной изоляции.
- 2) Под кибербуллингом понимается совокупность умышленных действий с использованием электронных форм контакта с целью нанесения вреда и причинения дискомфорта жертве. Отмечается многообразие видов и каналов кибертравли. Выделяют три основные роли участников кибербуллинга: «агрессор» – лицо, инициирующее и реализующее кибербуллинг, «наблюдатель» – является свидетелем кибертравли в адрес других, «жертва» – подвергающийся кибербуллингу.
- 3) Выявлены некоторые факторы предрасположенности детей к включенности в кибербуллинг. Риск стать жертвой КБ повышают: более широкие онлайн-контакты с незнакомыми и использование веб-сайтов, увеличение времени ежедневного использования Интернета, объем использования информационных технологий в школе, подверженность традиционному буллингу, нарушенное психическое развитие. Вероятность включения в кибербуллинг в роли «агрессора» выше у подростков, имеющих опыт «жертвы» кибертравли, широко использующих информационные технологии в школе и ежедневно

длительно использующих Интернет, имеющих родителей, активно вовлеченных в использование Интернета. Данные по полу как фактору предрасположенности к кибербуллингу остаются противоречивыми.

- 4) Кибербуллинг оказывает негативное влияние на психическое здоровье и личностное развитие современных подростков. В исследованиях продемонстрированы факты повышения тревожности, депрессивности, апатии, негативных изменений в отношении к себе и мировосприятия в целом у подростков-жертв кибертравли. Включенность в ситуации кибербуллинга рассматривается как фактор ухудшения психологического самочувствия и затруднений социальной адаптации у подростков «агрессоров» и «наблюдателей».
- 5) Личностные особенности подростков, вовлеченных в ситуации кибербуллинга, стали предметом ряда исследований. Представлены особенности самооценки, способности к эмпатии, социальных навыков, проявлений агрессивности и тревожности. Несмотря на значительное число работ, многие данные по особенностям личности участников кибербуллинга остаются противоречивыми. Недостаточно изучены эмоционально-волевые и коммуникативные особенности, ценностные ориентации подростков, которые включаются в ситуации кибербуллинга в разных ролях («жертв», «агрессоров», «наблюдателей»).

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1 Дизайн исследования

Исследование направлено на изучение личностных особенностей подростков с различным опытом кибербуллинга. В качестве **гипотез** исследования выступили следующие предположения:

1. Подростки с различным опытом в ситуациях кибербуллинга отличаются по эмоционально-волевым и коммуникативным характеристикам личности.
2. Подростки, инициирующие кибертравлю и являющиеся ее жертвами, отличаются более низкой самооценкой в сравнении с подростками, не включенными в ситуации кибербуллинга.
3. Существуют специфические особенности ценностных ориентаций у подростков с различным опытом в ситуациях кибербуллинга.

Для достижения цели и проверки гипотез исследования решались следующие задачи:

1. Изучить опыт кибербуллинга подростков: частоту вовлеченности в ситуации КБ, роли, формы и каналы КБ, связь с половозрастными характеристиками.
2. Провести сравнительный анализ эмоционально-волевых и коммуникативных характеристик подростков с различным опытом кибербуллинга.
3. Провести сравнительный анализ особенностей самооценки.
4. Провести сравнительный анализ особенностей ценностных ориентаций.
5. Изучить корреляционные связи показателей опыта при столкновении с ситуациями кибербуллинга и личностных характеристик.

В исследовании участвовали 105 школьников подросткового возраста.

Критерии включения в экспериментальную группу: возраст от 13 до 15 лет, отсутствие клинически установленного психического расстройства, добровольное согласие подростка на участие в исследовании, добровольное согласие родителя на участие ребенка в исследовании.

Этапы исследования:

1. Анализ литературы по проблеме кибербуллинга и личностных особенностей участников кибербуллинга.
2. Анкетирование подростков для выявления опыта кибербуллинга.
3. Диагностика подростков для выявления эмоционально-волевых, коммуникативных характеристик, особенностей самооценки и ценностных ориентаций.
4. Деление респондентов на четыре группы по результатам анкетирования.
5. Математическая обработка данных.
6. Сравнительный анализ личностных особенностей респондентов четырех групп и анализ корреляционных связей между показателями опыта кибербуллинга и личностными характеристиками.
7. Обсуждение результатов.

2.2 Описание выборки исследования

Исследование проводилось на базе МБОУ «Лицея-интерната» Великого Новгорода. Интернат является временным местом проживания (общежитием) для иногородних учащихся только в учебное время. В данном образовательном учреждении представлены три отделения, характеризующиеся уклоном соответствующих предметов: естественнонаучное, физико-математическое и универсальное. Обучение доступно, начиная с 8 класса. В исследовании приняли участие 105 подростков в возрасте от 13 до 15 лет, средний возраст $14,37 \pm 0,52$. Из них 68 девочек и 37 мальчиков.

На рисунках 1-3 представлено распределение респондентов по полу и возрасту, составу семьи (наличие сиблингов, полная/неполная семья и место проживания во время учебы в Лицее).

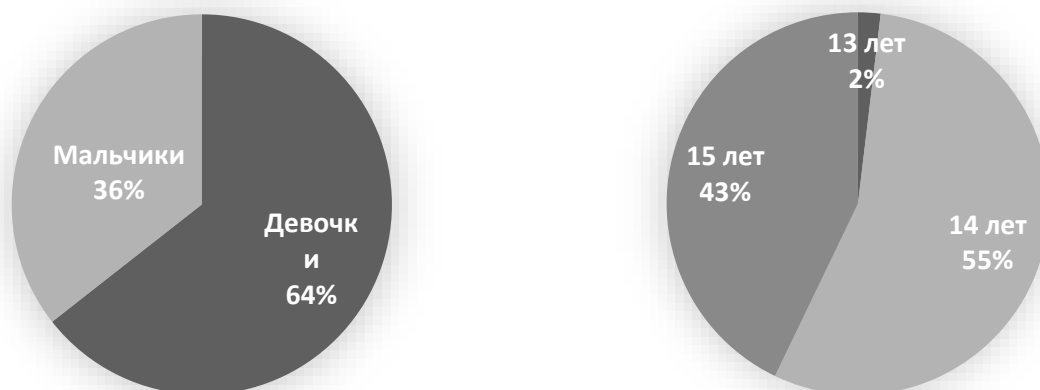

Рис. 1. Распределение подростков по полу и возрасту

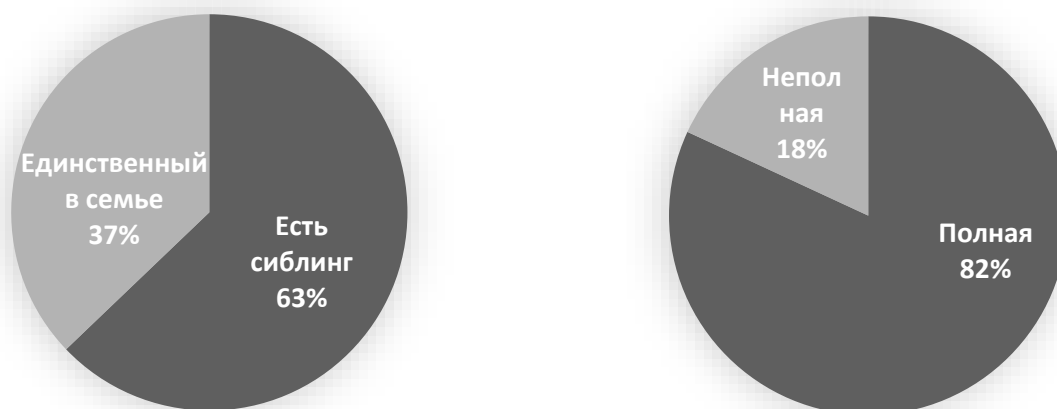

Рис. 2. Распределение подростков по составу семьи

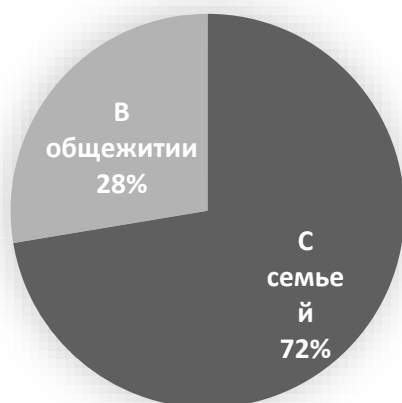

Рис. 3. Распределение подростков по месту проживания в учебное время

Таким образом, принявших участие в исследовании девочек было почти в два раза больше, чем мальчиков. Основную часть выборки составили 14-ти и 15-тилетние подростки из полных семей. Приблизительно на две равные части выборка поделилась на подростков, имеющих брата/сестру и являющихся в семье единственными. Одна треть респондентов являлись иногородними, проживающими во время обучения в интернате, две трети детей проживали со своими семьями в г. Великий Новгород.

2.3 Методы исследования

2.3.1 Анкета для выявления опыта включенности в кибербуллинг

Для изучения опыта включенности в ситуации кибербуллинга у подростков была использована оригинальная анкета. На данный момент нет утверждённого и апробированного на российских подростках инструмента для выявления опыта КБ. В связи с этим в различных исследованиях используются и создаются оригинальные анкеты [7, 8, 20, 48].

Данная анкета была создана на основе аналитического обзора литературы по проблеме кибербуллинга в подростковой среде и опросника J.Patchin, S.Hinduja «Cyberbullying and Online Aggression Survey», выявляющего опыт КБ в роли «жертвы», «агрессора» и «наблюдателя» [68]. Опросник был создан в 2002 году и постоянно обновляется. Мы основывались на версии 2018 года. При создании опросников некоторые отечественные авторы также брали за основу данный инструмент [6, 37].

Анкета состоит из пяти блоков:

- первый блок – общие вопросы об опыте КБ в роли «наблюдателя», «жертвы», «агрессора» и самочувствии после столкновения с ситуациями КБ;
- второй блок – вопросы на выявление видов КБ, которым подвергалась «жертва» (предлагались только тем подросткам, которые сообщили об опыте «жертвы» в первом блоке вопросов);

- третий блок – вопросы на оценку каналов, по которым «жертва» подвергалась издевательствам (предлагались только «жертвам»);
- четвертый блок – вопросы на выявление видов КБ, которые совершали «агрессоры» (предлагались только тем подросткам, которые сообщили об опыте «агрессора» в первом блоке вопросов);
- пятый блок – вопросы на оценку каналов, с помощью которых «агрессоры» совершали травлю (предлагались только «агрессорам»).

Для ответов на вопросы предлагалась 4-х-балльная шкала по частоте встречаемости явления: 0 – «никогда», 1 – «однажды», 2 – «несколько раз», 3 – «много раз». Полный текст анкеты приведен в Приложении А.

2.3.2 «Многофакторный личностный опросник» Р. Кеттелла

Для исследования характерологических черт подростков был использован юношеский вариант 14-ти факторного личностного опросника Р. Кеттелла. Опросник сконструирован на основе теории черт личности (Г. Олпорт, Х. Одберт) и принципов факторного анализа. Методика была создана в 1970 году. Была нормирована в городе Ярославле на 560 подростках 13-15 лет, при этом были установлены нормативные показатели по каждому фактору.

Методика предназначена для изучения личности подростков 12-18 лет и состоит из 142 вопросов, на каждый из которых можно выбрать один из трех вариантов ответа. Опросник включает в себя 14 независимых факторов, описывающих различные характеристики личности:

- А (аффектотимия – шизотимия);
- В (высокий интеллект – низкий интеллект);
- С (степень эмоциональной устойчивости);
- D (возбудимость – флегматичность);
- Е (доминантность – конформность);
- F (легкомыслие – осторожность);
- G (степень принятия моральных норм);

- Н (авантюризм – застенчивость);
- I (сензитивность – реализм);
- J (осторожный индивидуализм – интерес к участию в общих делах);
- О (самоуверенность – склонность к чувству вины)
- Q2 (самодостаточность – социабельность);
- Q3 (степень самоконтроля);
- Q4 (степень внутреннего напряжения)

Инструкция, обработка результатов и интерпретация факторов приводится в приложении Б. К группе факторов, характеризующих эмоционально-волевые особенности личности, относятся - С, D, G, I, О, Q3, Q4, к группе факторов, характеризующих коммуникативные особенности - А, Н, F, Е, Q2, J.

Обработка результатов производится с помощью ключа. Интерпретируются низкие и высокие значения шкал в соответствии с описанием факторов автором методики [26].

Анализ среднегрупповых данных по данному опроснику проводился с учетом средних значений для мальчиков и девушек учащихся в 8-11 классах и стеновых норм (Приложение Б).

2.3.3 Методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан

Для исследования особенностей самооценки и уровня притязаний подростков использовалась «Методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан». Методика была создана в 1970 году. Данная методика рассчитана на детей 11-16 лет. Однако сам прием шкалирования самооценки, предложенный Т. Дембо и апробированный С. Я. Рубинштейн, широко используется в психологическом обследовании респондентов различного возраста.

Давалась инструкция: «Каждый человек оценивает свои способности, возможности, характер. Условно эту оценку можно изобразить в виде вертикальной линии, нижняя точка которой указывает на самую низкую оценку, а верхняя — на самую высокую. Здесь нарисовано 7 таких линий и написано, что каждая из них означает. Оцени себя по каждому из предложенных здесь качеств, сторон личности и черточкой (–) и отметь на каждой линии эту самооценку.

После этого представь, каким должно было бы быть это качество, сторона личности, чтобы ты была удовлетворена собой, чувствовала гордость за себя. Отметь это на каждой линии знаком (X)». Таким образом, обследуемым требовалось оценить себя в настоящий момент (–) и себя идеального (X) на 7-ми вертикальных линиях, соответствующих шкалам методики, для удобства на каждой из шкал посередине отмечена точка».

Шкалы методики: «Здоровый — больной», «Хороший характер — плохой характер», «Умный — глупый», «Способный — неспособный», «Авторитетен у сверстников — презирается сверстниками», «Красивый — некрасивый», «Уверенный в себе — неуверенный в себе».

Первая шкала «здоровый – больной» является тренировочной, с помощью которой исследователь может проверить, хорошо ли подросток понял задание.

Бланк методики, обработка результатов и интерпретация шкал приводится в приложении в приложении В.

Данная методика была нормирована на учащихся московских школ в количестве 500 испытуемых. Нормативные данные по методике представлены в таблице 1. Получившиеся результаты сравниваются с соответствующими показателями методики от низкого до самого высокого.

Таблица 1. Нормативные данные «Методики исследования самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан» [26]

Параметр	Количественная характеристика (балл)
----------	--------------------------------------

Уровень притязаний	Норма			Очень высокий
	Низкий	Средний	Высокий	
Уровень самооценки	менее 60	60-74	75-89	90-100
	менее 45	45-59	60-74	75-100

2.3.4 Ценностный опросник Шварца

Для изучения ценностей личности подростков был использован Ценностный опросник Шварца, состоящий из двух частей. Опросник был разработан в 1922 году Ш. Шварцем. Адаптация проводилась В.Н. Карандашевым с 2000-2002 г. на выборке из 285 человек. Были установлены средние показатели значимости типов ценностей на уровне нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов, а затем ранговые значения типов ценностей на уровне нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов.

Первая его часть («обзор ценностей») направлена на определение тех ценностей, которые оказывают на личность особое влияние, при этом не всегда проявляясь в социальной жизни. Респонденту предлагаются 2 списка ценностей, состоящие из 57 элементов в сумме, каждый из которых ему необходимо оценить по шкале от -1 до 7 баллов по степени важности каждой ценности как руководящего принципа его жизни. В первом списке утверждения касаются терминальных ценностей, во втором же – инструментальных ценностей.

Вторая часть («Профиль личности») направлена на изучение ценностей на уровне поведения, которые проявляются в социуме. На этом этапе приводится список из 40 описаний, которые следует оценить по пятибалльной шкале от «очень похож на меня» до «совсем не похож на меня».

Типы ценностей:

- Власть (Power)
- Достижение (Achievement)

- Гедонизм (Hedonism)
- Стимуляция (Stimulation)
- Самостоятельность (Self-Direction)
- Универсализм (Universalism)
- Доброта (Benevolence)
- Традиция (Tradition)
- Конформность (Conformity)
- Безопасность (Security)

Анализ среднегрупповых данных по данному опроснику проводился с учетом средних значений для подростков-учащихся 8-11 классов. Текст методики, обработка и интерпретация результатов расположены в приложении Г [13].

2.3.5 Опросник агрессивности Басса-Дарки

Для изучения проявлений агрессивности у респондентов был использован Опросник Басса-Дарки. Опросник был создан в 1957 году А. Бассом и А. Дарки. Стандартизирован и адаптирован на русский язык в 2005 году А.А. Хваном, Ю.А. Зайцевым и Ю.А. Кузнецовой. Выборку составили 646 подростков [36]. В опроснике 75 утверждений, подросткам предлагается выбрать те, которые им больше подходят. Опросник имеет 8 шкал:

1. Физическая агрессия – применение физической силы против другого лица.
2. Косвенная агрессия – направленная непрямым путем или не имеющая направления.
3. Раздражение – готовность проявить негативные чувства даже при минимальном возбуждении.
4. Негативизм – черта поведения, проявляющаяся в диапазоне от пассивного сопротивления до активной борьбы против общепринятых правил, норм и законов.

5. Обида – зависть, ненависть к другим лицам за действительные и вымышленные действия.
6. Подозрительность – черта поведения, проявляющая в диапазоне от недоверия и осторожности по отношению к людям до убеждения в том, что они планируют и приносят вред.
7. Вербальная агрессия – выражение негативных чувств через форму и содержание словесного ответа.
8. Чувство вины – возможное убеждение испытуемого, что он является плохим человеком, а также ощущаемые им угрызения совести.

Текст опросника, обработка и интерпретация результатов расположены в приложении Д.

Общая агрессивность и враждебность определяется по следующим формулам:

- Враждебность = Обида + Подозрительность;
- Агрессивность = Физическая агрессия + Раздражение + Вербальная агрессия.

В таблице 2 представлены количественные показатели (баллы) для каждой из шкал:

Таблица 2. Количественные показатели

	Низкий уровень	Средний уровень	Повышенный уровень	Высокий уровень	Очень высокий уровень
Вербальная, физическая агрессия, негативизм и чувство вины	0-30	31-52	53-74	75-85	86 и более
Косвенная агрессия, раздражение, подозрительность и обида	0-14	15-36	37-58	59-69	69 и более

2.3.6 Тест школьной тревожности Филлипса

Опросник школьной тревожности Филлипса относится к стандартизированным психодиагностическим методикам и позволяет оценить уровень и качество тревожности, связанной со школьной средой у детей и подростков. Данный метод применялся и описывался во многих научных работах [9, 35].

Опросник состоит из 58 вопросов и содержит следующие шкалы:

1. Общая тревожность в школе — общее эмоциональное состояние ребенка, связанное с различными формами его включения в жизнь школы
2. Переживание социального стресса — эмоциональное состояние ребенка, на фоне которого развиваются его социальные контакты (прежде всего — со сверстниками)
3. Фрустрация потребности в достижении успеха — неблагоприятный психологический фон, не позволяющий ребенку удовлетворять свои потребности в успехе, достижении высокого результата и т. д.
4. Страх самовыражения — негативное эмоциональное переживание ситуаций, сопряженных с необходимостью самораскрытия, предъявления себя другим, демонстрации своих возможностей.
5. Страх ситуации проверки знаний — негативное отношение и переживание тревоги в ситуациях проверки (особенно — публичной) знаний, достижений, возможностей.
6. Страх не соответствовать ожиданиям окружающих — ориентация на значимость других в оценке своих результатов, поступков и мыслей, тревога по поводу оценок, даваемых окружающими, ожидание негативных оценок.
7. Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу — особенности психофизиологической организации, снижающие приспособляемость ребенка к ситуациям стрессогенного характера, повышающие

вероятность неадекватного, деструктивного реагирования на тревожный фактор среды.

8. Проблемы и страхи в отношениях с учителями — общий негативный эмоциональный фон отношений со взрослыми в школе, снижающий успешность обучения ребенка [27].

Инструкция, процедура обработки данных представлена в Приложении Ж.

2.4 Математико-статистические методы обработки данных

Первичная обработка ответов респондентов осуществлялась с помощью MS Excel. Затем статистический анализ данных осуществлялся в программе IBM SPSS Statistics 26. Сравнительный анализ сформировавшихся независимых групп производился с помощью непараметрического критерия U-критерия Манна-Уитни с использованием поправки Холма-Бонферрони. Сравнение групп по демографическим данным производилось с помощью критерия "хи-квадрат" для анализа таблиц сопряженности.

Для выявления корреляций между исследуемыми параметрами был использован корреляционный критерий Спирмена.

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

3.1 Результаты изучения опыта подростков в ситуациях кибербуллинга

Для оценки и анализа опыта подростков в ситуациях кибербуллинга была использована оригинальная анкета. В таблице 3 представлено распределение респондентов по ответам на первый блок вопросов (вопросы о частоте опыта КБ в роли «наблюдателя», «жертвы», «агрессора» и самочувствии после столкновения с ситуациями КБ).

Таблица 3. Распределение подростков по частоте опыта КБ (N=105)

Характеристика опыта	Частота встреч с ситуациями КБ				
	Никогда	Однажды	Несколько раз	Много раз	Всего (человек)
В роли «наблюдателя»	19 (18,1%)	22 (20,9%)	36 (34,3%)	28 (26,7%)	105
В роли «жертвы»	50 (47,6%)	38 (36,2%)	12 (11,4%)	5 (4,8%)	105
Беспокойство в роли «жертвы»	76 (72,4%)	19 (18%)	7 (6,7%)	3 (2,9%)	105
В роли «жертвы» за последний год	80 (76,2%)	17 (16,2%)	4 (3,8%)	4 (3,8%)	105
В роли «агрессора»	75 (71,4%)	17 (16,2%)	10 (9,5%)	3 (2,9%)	105
В роли «агрессора» за последний год	87 (82,8%)	9 (8,6%)	6 (5,7%)	3 (2,9%)	105

Как видно из таблицы, более 50% подростков подвергались ситуациями кибертравли хотя бы один раз, при этом за последний год чуть меньше половины детей столкнулись с агрессией в Сети, при этом почти 30% из них чувствовали внутреннее напряжение после издевательств. «Агрессорами» как

минимум несколько раз были 12,4% детей, в то время как за последний год этот показатель упал до 8,6%. Наблюдающими интернет-травлю оказались более 80% подростков.

По результатам анкетирования были выделены группы:

1. «Наблюдатели» – в группу попадали респонденты, которые сообщили, что наблюдали факт кибербуллинга в адрес других хотя бы один раз.
2. «Наблюдатели-жертвы» (иначе «жертвы») – сообщили, что сами подвергались кибертравле хотя бы один раз и наблюдали травлю в адрес других.
3. «Наблюдатели-жертвы-агрессоры» (иначе «агрессоры») – сообщили, что подвергались кибертравле, сами участвовали в ней и наблюдали травлю в адрес других.
4. Подростки без опыта кибербуллинга – не сталкивались с фактом интернет-травли в какой-либо роли (не наблюдали, не подвергались и не участвовали).

В таблице 4 представлено распределение респондентов по группам в зависимости от роли в ситуациях кибербуллинга. Между этими группами было проведено в дальнейшем сравнение по различным личностным характеристикам (п.п. 3.2., 3.3., 3.4., 3.5.)

Таблица 4. Распределение подростков по роли в ситуациях кибербуллинга

Группы по характеру опыта	Абсолютное значение	Проценты
«Наблюдатель»	15	14,3%
«Жертва-наблюдатель»	39	37,1%
«Жертва-агрессор-наблюдатель»	40	38,1%
Без опыта кибербуллинга	11	10,5%

Количество «жертв-наблюдателей» и «жертв-агрессоров-наблюдателей» примерно одинаковое, тогда как подростков, не сталкивающихся с интернет-травлей, меньшинство – 10,5%. Не было выявлено ни одного «чистого

агрессора», то есть все респонденты, признавшиеся в инициировании кибербуллинга, также упоминали, что сами ему подвергались.

В таблице 5 представлено распределение подростков, сообщивших, что подвергались травле, по упоминанию видов и каналов КБ.

Таблица 5. Распределение подростков, имеющих опыт жертвы, по упоминанию форм и каналов кибербуллинга (N=39)

Вид и канал кибербуллинга	Частота упоминания				
	Никогда	Однажды	Несколько раз	Много раз	Всего
Кто-то написал в Интернете грубые или обидные сообщения обо мне	18 (46,2%)	17 (43,5%)	4 (10,3%)	0 (0%)	39
Кто-то опубликовал в Сети оскорбительную или обидную фотографию со мной	36 (92,3%)	3 (7,7%)	0 (0%)	0 (0%)	39
Кто-то опубликовал в Интернете оскорбительное или обидное видео со мной	38 (97,4%)	1 (2,6%)	0 (0%)	0 (0%)	39
Кто-то создал обо мне обидную или оскорбительную веб-страницу	38 (97,4%)	1 (2,6%)	0 (0%)	0 (0%)	39
Кто-то в Интернете распространил сплетни обо мне	28 (71,8%)	8 (20,5%)	3 (7,7%)	0 (0%)	39
Кто-то угрожал мне в SMS	37 (94,8%)	1 (2,6%)	1 (2,6%)	0 (0%)	39
Кто-то угрожал мне в Интернете	31 (79,5%)	7 (17,9%)	0 (0%)	1 (2,6%)	39
Кто-то в Интернете притворился мной и вел себя оскорбительно для меня	32 (82,1%)	6 (15,3%)	1 (2,6%)	0 (0%)	39

Кто-то опубликовал в Интернете в адрес меня грубые и обидные сообщения о моей национальности	39 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	39
Кто-то опубликовал в адрес меня грубые комментарии или жесты сексуального характера	37 (94,8%)	1 (2,6%)	0 (0%)	1 (2,6%)	39
Кто-то опубликовал в адрес меня оскорбительные сообщения по поводу моей религии	39 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	39
Через анонимные чаты	36 (92,3%)	3 (7,7%)	0 (0%)	0 (0%)	39
По электронной почте	39 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	39
Через SMS	38 (97,4%)	1 (2,6%)	0 (0%)	0 (0%)	39
Через мобильное устройство	35 (89,8%)	2 (5,1%)	2 (5,1%)	0 (0%)	39
В Facebook	39 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	39
В Twitter	37 (94,8%)	1 (2,6%)	1 (2,6%)	0 (0%)	39
В Вконтакте	16 (41,1%)	17 (43,5%)	5 (12,8%)	1 (2,6%)	39
В TikTok	38 (97,4%)	1 (2,6%)	0 (0%)	0 (0%)	39
В Instagram	36 (92,3%)	3 (7,7%)	0 (0%)	0 (0%)	39
В Snapchat	39 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	39
На YouTube	38 (97,4%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (2,6%)	39
В чате массовой многопользовательской онлайн-игры, такой как World of Warcraft, Everquest, Guild Wars, Runescape и т.д.	33 (84,6%)	5 (12,8%)	1 (2,6%)	0 (0%)	39
Играя в Сети с Xbox, Playstation, Wii, PSP или аналогичным устройством	38 (97,4%)	1 (2,6%)	0 (0%)	0 (0%)	39

--	--	--	--	--	--

Так, наиболее распространенными видами кибертравли в группе «жертв» являются грубые или обидные сообщения (в 54% случаев), распространение сплетен (28%), имперсонация (18%), угрозы (21%). При этом респонденты указывали, что подвергались таким видам травли один или несколько раз. Лишь один подросток, отнесенный к группе «жертвы», сообщил о множественных случаях угроз в его адрес.

Редкими для данной выборки видами травли следует признать публикацию оскорбительных фото, видео и создание оскорбительных веб-страниц. Вовсе не упоминалось в качестве вида травли оскорбительное сообщение о национальности и религии. Вероятно, данные темы не распространены среди современных российских подростков, или наша выборка была относительно однородна по национальному и религиозному признаку.

В то же время в зарубежных публикациях этот вопрос остро обсуждается, и данный вид КБ признается как распространенный, а также создаются инструменты оценки кибертравли, спровоцированной нетерпимостью к культурному и религиозному разнообразию [78].

Чаще всего респонденты подвергались травле через социальную сеть Вконтакте. На нее как канал травли указали 60% «жертв». Каждая десятая «жертва» переживала буллинг в свой адрес через мобильное устройство. Риск подвергнуться травле достаточно высок и через чаты массовых многопользовательских игр – 16% подростков-жертв упомянули этот канал. В то же время электронная почта, Snapchat, Facebook не упоминались как каналы КБ. Возможно, это связано с нераспространенностью данных социальных медиа среди российских подростков 13-15 лет. Эти результаты согласуются с данным в ряде работ [71, 76], однако в других исследованиях социальная сеть Facebook считается благоприятной для кибертравли [21, 44]. Наиболее распространенными каналами кибербуллинга в отечественных исследованиях признаются Facebook, Twitter, Instagram, YouTube, Вконтакте [21, 24].

В таблице 6 представлено распределение «агрессоров» по упоминанию видов и каналов интернет-травли.

Таблица 6. Распределение подростков, имеющих опыт «агрессора», по упоминанию видов и каналов кибербуллинга (N=40)

Вид и канал кибербуллинга	Частота упоминания				
	Никогда	Однажды	Несколько раз	Много раз	Всего
Писал(а) в Сети грубые или обидные сообщения о ком-то	20 (50%)	16 (40%)	3 (7,5%)	1 (2,5%)	40
Публиковал(а) в Сети оскорбительные или обидные фотографии кого-то	35 (87,5%)	2 (5%)	2 (5%)	1 (2,5%)	40
Публиковал(а) в Интернете обидное или оскорбительное видео	39 (97,5%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (2,5%)	40
Создал(а) о ком-то обидную или оскорбительную веб-страницу	38 (95%)	1 (2,5%)	0 (0%)	1 (2,5%)	40
Распространял(а) сплетни о ком-то в Интернете	31 (77,5%)	5 (12,5%)	2 (5%)	2 (5%)	40
Угрожал(а) причинить кому-то вред через SMS	38 (95%)	0 (0%)	1 (2,5%)	1 (2,5%)	40
Угрожал(а) причинить кому-то вред в Интернете	39 (97,5%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (2,5%)	40
Притворялся(ась) другим человеком в Интернете и вел(а) себя грубо или обидно (как тот человек бы себя не вел)	36 (90%)	2 (5%)	0 (0%)	2 (5%)	40
Публиковал(а) в Интернете в адрес кого-то оскорбительные	36 (90%)	1 (2,5%)	1 (2,5%)	2 (5%)	40

сообщения в адрес его национальности					
Публиковал(а) грубые, комментарии или жесты о ком-то, имеющие сексуальное значение	38 (95%)	1 (2,5%)	0 (0%)	1 (2,5%)	40
Публиковал(а) в адрес кого-то оскорбительные сообщения по поводу его религии	37 (92,5%)	0 (0%)	1 (2,5%)	2 (5%)	40
Через анонимные чаты	38 (95%)	1 (2,5%)	0 (0%)	1 (2,5%)	40
По электронной почте	39 (97,5%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (2,5%)	40
Через SMS	39 (97,5%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (2,5%)	40
Через мобильное устройство	35 (87,5%)	4 (10%)	0 (0%)	1 (2,5%)	40
В Facebook	38 (95%)	0 (0%)	0 (0%)	2 (5%)	40
В Twitter	34 (85%)	3 (7,5%)	0 (0%)	3 (7,5%)	40
В Вконтакте	24 (60%)	11 (27,5%)	3 (7,5%)	2 (5%)	40
В TikTok	33 (82,5%)	5 (12,5%)	0 (0%)	2 (5%)	40
В Instagram	31 (77,5%)	6 (15%)	1 (2,5%)	2 (5%)	40
В Snapchat	38 (95%)	1 (2,5%)	0 (0%)	1 (2,5%)	40
На YouTube	38 (95%)	1 (2,5%)	0 (0%)	1 (2,5%)	40
В чате массовой многопользовательской онлайн-игры, такой как World of Warcraft, Everquest, Guild Wars, Runescape и т.д.	26 (65%)	3 (7,5%)	7 (17,5%)	4 (10%)	40
Играя в Сети с Xbox, Playstation, Wii, PSP или аналогичным устройством	38 (95%)	0 (0%)	1 (2,5%)	1 (2,5%)	40

Как видно по таблице, в группе агрессоров упоминаются все виды кибербуллинга, но с разной частотой. Наиболее распространенными оказались обидные и грубые сообщения в Интернете. Так, из респондентов, признавшихся в иницировании и участии в травле, 40% подростков хотя бы однажды отправляли такие сообщения, а 10% делали это несколько и много раз. На втором месте по встречаемости – распространение сплетен. В этом признается 23% подростков-агрессоров. Довольно редко в качестве вида травли выбирается публикация оскорбительных фото, видео, создание веб-страниц, имперсонация, угрозы, оскорбление национальности и религии.

Самым часто используемым каналом для агрессии в Интернете является социальная сеть Вконтакте, на что указали 40% признавшихся в кибертравле. Второе место по частоте использования заняли чаты массовых многопользовательских онлайн-игр: об этом сообщили 35% подростков с опытом инициации буллинга, при этом 28% совершали буллинг в играх несколько и более раз. К таким онлайн-играм в тексте анкеты были отнесены World of Warcraft, Everquest, Guild Wars, Runescape. Также, стоит отметить, что некоторые респонденты добавляли в список многопользовательскую командную игру Dota 2. Реже в качестве канала травли используется Instagram, сервис TikTok и социальная сеть Twitter. Наименее распространенным каналом КБ оказались электронная почта и SMS-сообщения.

Полученные данные согласуются с описанными в литературе. Отмечается, что социальные сети, онлайн-игры – наиболее распространенные каналы для онлайн-травли в связи с большим количеством проводимого в них времени, а телефонные звонки, SMS-сообщения, анонимные чаты, электронная почта – менее встречающиеся и эффективные при буллинге [8, 37, 44, 70, 72].

Далее анализировалось процентное соотношение подростков разного пола, с разным составом семьи и местом проживания в учебное время в группах с различным характером опыта кибербуллинга. Распределения представлены в таблицах 7-10.

Таблица 7. Распределение подростков с различным характером опыта кибербуллинга по полу

Характер опыта	Группы подростков				Всего (N= 105)	
	Девушки (N= 68)		Юноши (N= 37)			
	Абс. зн.	%	Абс. зн.	%	Абс. зн.	%
«Наблюдатель»	13	19,1	2	5,4	15	14,3
«Жертва-наблюдатель»	27	39,7	12	32,4	39	37,1
«Жертва-агрессор-наблюдатель»	21	30,9	19	51,4	40	38,1
Без опыта кибербуллинга	7	10,3	4	10,8	11	10,5

Так, исходя из данных в таблице, юноши (51%) признавали себя «агрессорами» чаще, чем девушки (31%). Девушки (40%) чаще относили себя к «жертвам», чем юноши (32%). Подростков, не сталкивающихся с травлей в Интернете, примерно одинаковое количество в группах девушек и юношей. Представителей мужского пола оказалось значительно меньше среди «наблюдателей». В нескольких исследованиях были получены сходные результаты: девушки чаще подвергались онлайн-травле, а юноши чаще выступали ее инициаторами [30, 71]. Однако большинство авторов утверждает, что склонность к ролям не зависит от пола [48, 67, 73, 77].

Таблица 8. Распределение подростков с различным характером опыта кибербуллинга по составу семьи

Характер опыта	Группы подростков				Всего (N= 105)	
	Полная (N=86)		Неполная (N=19)			
	Абс. зн.	%	Абс. зн.	%	Абс. зн.	%
«Наблюдатель»	12	14	3	15,8	15	14,3
«Жертва-наблюдатель»	31	36	8	42,1	39	37,1
«Жертва-агрессор-наблюдатель»	32	37,2	8	42,1	40	38,1
Без опыта кибербуллинга	11	12,8	0	0	11	10,5

Как видно из таблицы 8, в обеих группах «жертв», вне зависимости от того, инициировали они травлю или нет, процент неполных семей выше по сравнению с подростками, выбирающими роль исключительно «наблюдателей» и вовсе не сталкивающихся с кибербуллингом. Стоит отметить, что подростки без опыта кибербуллинга были только из полных семей. Предполагаем, что монородительство может быть фактором, определяющим неблагополучие социальных онлайн-контактов, в частности, повышающим риск подвергнуться кибертравле. В исследовании Sourander A., et al., (2010) также было обнаружено, что «жертвы» чаще всего были из неполных семей. Возможно, в связи с неполным составом семьи, подросткам знакома позиция «жертвы», поэтому они обнаруживают сходный опыт и при использовании Сети. Высказанная гипотеза требует проверки в дальнейших исследованиях.

Таблица 9. Распределение подростков с различным характером опыта кибербуллинга по месту проживания в учебное время

Характер опыта	Группы подростков				Всего (N= 105)	
	Семья (N=76)		Интернат (N=29)			
	Абс. зн.	%	Абс. зн.	%	Абс. зн.	%
«Наблюдатель»	13	17,1	2	6,9	15	14,3
«Жертва-наблюдатель»	29	38,2	10	34,5	39	37,1
«Жертва-агрессор-наблюдатель»	28	36,8	12	41,4	40	38,1
Без опыта кибербуллинга	6	7,9	5	17,2	11	10,5

Согласно таблице 9, больше всего респондентов в группе «жертв-агрессоров» проживали в интернате, в то время как «жертвы» чаще всего находились с семьей. Подростки без опыта кибербуллинга в основном проживали в интернате. Дети, наблюдающие за травлей в Интернете, в основном проживали с семьей. Возможно, оторванность от родителей и, как следствие, отсутствие родительского контроля, а также непосредственное соседство со сверстниками позволяют подросткам активнее инициировать кибертравлю. В исследовании Ybarra, M. L., Mitchell, K. J., (2004) отсутствие четкого родительского надзора являлось предиктором в увеличении вероятности склонности к агрессивному поведению в Интернете.

Таблица 10. Распределение подростков с различным характером опыта кибербуллинга по наличию сиблинга

Характер опыта	Группы подростков				Всего (N= 105)	
	есть (N=66)		нет (N=39)			
	Абс. зн.	%	Абс. зн.	%	Абс. зн.	%

«Наблюдатель»	11	16,7	4	10,2	15	14,3
«Жертва-наблюдатель»	24	36,3	15	38,5	39	37,1
«Жертва-агрессор-наблюдатель»	20	30,3	20	51,3	40	38,1
Без опыта кибербуллинга	11	16,7	0	0	11	10,5

Все респонденты, не сталкивавшиеся с КБ, имеют братьев или сестер. «Агрессорами» чаще выступали те, кто являлся единственным ребенком в семье. «Жертвами» же являлись и единственные в семье подростки, и имеющие сиблинга. «Наблюдателями» чаще оказывались подростки, являющиеся не единственными в семье.

В таблице 11 представлены данные сравнительного анализа показателей частоты включения в различные виды и каналы КБ в группах НЖА, НЖ и Н.

Таблица 11. Сравнительный анализ показателей частоты различных видов и каналов КБ в трех группах.

Утверждение	1 группа (НЖА)	2 группа (НЖ)	4 группа (Н)	p-value		
				НЖА- НЖ	НЖА-Н	НЖ-Н
Сталкивался с ситуацией издевательств в Сети над кем-то	2,15±0,83	1,82±1,05	1,4±0,63	0,000	0,000	0,000
Кто-то писал обидные сообщения обо мне	1,13±0,85	0,67±0,66	0,00±0,00	0,015	-	-
Распространяли сплетни обо мне	0,7±0,88	0,33±0,58	0,00±0,00	0,008	-	-
Угрожали мне в Интернете	0,75±0,98	0,26±0,6	0,00±0,00	0,008	-	-
Угрожали во Вконтакте	0,95±0,88	0,77±0,78	0,00±0,00	0,000	-	-
Угрожали в Instagram	0,50±0,78	0,77±0,27	0,00±0,00	0,003	-	-

Группа «аггессоров-жертв-наблюдателей» чаще сталкивалась с ситуациями травли в адрес других в Интернете, чем «жертвы-наблюдатели» и «наблюдатели». Это может быть связано с наличием собственного участия в кибертравле. «Аггессоры» чаще, чем «жертвы» получают обидные сообщения, сплетни, угрозы в Сети. Подростки, только подвергающиеся травле, чаще сталкиваются с ней в приложении Instagram, чем «жертвы-аггессоры», однако последние чаще, чем «жертвы» сталкиваются с КБ в Вконтакте. Это может говорить о том, что «жертвы-аггессоры-наблюдатели» были первоначально «жертвами», а затем стали инициаторами травли с целью мести. Такая тенденция описывается в литературе [42, 51, 83].

В таблице 12 представлен анализ демографических данных подростков с различным опытом онлайн-травли с помощью критерия "хи-квадрат" для анализа таблиц сопряженности.

Таблица 12. Сравнительный анализ демографических данных подростков с различным опытом КБ

Утверждение	1 группа (НЖА)	2 группа (НЖ)	3 группа (Без опыта КБ)	4 группа (Н)	p-value
Пол ж	21	27	7	13	-
Пол м	19	12	4	2	
Семья полная	32	31	11	12	-
Семья неполная	8	8	0	3	
Проживание в семье	28	29	6	13	-
Проживание в общежитии	12	10	5	2	
Наличие сиблинга	20	24	11	11	0,018
Отсутствие сиблинга	20	15	0	4	

Как видно из таблицы 12, не было выявлено значимых различий между группами подростков с различным опытом участия в кибербуллинге по полу, месту проживания, составу семьи. Однако соотношение в группах по наличию сиблинга оказалось значимо различным. По результатам анализа, выяснено, что существуют значимые различия между группами подростков с различным опытом КБ в том, единственные они в семье дети или нет. Так, «жертвами», «наблюдателями» и подростками без опыта КБ чаще являются дети, имеющие братьев или сестер, в то время как «агрессоры» осуществляют онлайн-травлю независимо от того, единственные они в семье или нет.

3.2 Сравнительный анализ эмоционально-волевых и коммуникативных характеристик подростков с различным опытом кибербуллинга

Эмоционально-волевые и коммуникативные характеристики подростков изучались с помощью опросника Кеттелла и опросника для оценки уровня агрессивности Басса-Дарки.

В таблице 13 представлены данные сравнительного анализа личностных особенностей по опроснику Кеттелла. Даны показатели факторов, по которым были обнаружены значимые различия между группами «жертв-агрессоров» (НЖА), «жертв» (НЖ), «наблюдателей» (Н) и подростков, не сталкивающихся с онлайн-травлей в какой-либо роли («без опыта КБ»).

Таблица 13. Значимые различия показателей факторов опросника Кеттелла (N=105)

Фактор	1 группа (НЖА)	2 группа (НЖ)	3 группа (Н)	4 группа («без опыта КБ»)	p-value		
					НЖА- НЖ	НЖА- Без опыта КБ	НЖА- Н
С	6,13±2,6	6,28±2,74	6,4±2,35	8,36±1,29	-	0,007	-

O	9,53±3,67	8,54±4,26	8,53±4,81	5,72±2,41	-	0,002	-
Q3	10,41±3,00	12,10±2,65	11,47±4,19	13,82±2,4	0,01	0,001	-
Q4	10,65±3,27	8,82±3,1	7,73±3,15	7,18±2,1	0,0011	0,002	0,005
F	12,4±3,78	10,21±3,32	10,13±4,6	10,36±3,59	0.007	-	-

Были получены данные, указывающие на отличия подростков с различным опытом в ситуациях КБ по некоторым эмоционально-волевым качествам личности: по фактору С («степень эмоциональной устойчивости»), О («спокойная самоуверенность – чувство вины»), Q3 («степень самоконтроля»), Q4 («степень внутреннего напряжения»), а также по фактору F («осторожность-легкомыслие»), характеризующим в большей степени коммуникативные качества.

Так, подростки, которые подвергались травле и при этом сами были ее инициаторами (НЖА), значимо отличаются от респондентов без опыта КБ по фактору С, то есть меньшей эмоциональной устойчивостью, большей раздражительностью, возбудимостью, нетерпеливостью, негибкостью поведения в стрессовых ситуациях. Значимые различия по фактору О указывают на более выраженную склонность «агрессоров» (НЖА) к пониженному настроению, тревожности в трудных ситуациях, переживанию неуверенности в себе и ощущению непринятия со стороны группы в сравнении с респондентами, не вовлеченными в КБ.

По фактору Q3 обнаружено отличие «агрессоров» (НЖА) как от не имеющих опыта КБ, так и от «жертв» (НЖ). Значит, подростки, подвергающиеся и сами инициирующие травлю, отличаются более слабым волевым контролем, более слабой ориентацией на социальные требования, большей импульсивностью в поведении. В то же время по данному фактору не инициирующие буллинг «жертвы» (НЖ) и простые наблюдатели (Н) значимо не отличаются от не вовлеченных в КБ.

Показатель фактора F оказался значимо выше у «агрессоров» (НЖА) в сравнении с «жертвами» (НЖ). Подростки, которые подвергаются и сами иницируют кибертравлю, более активны, импульсивны, легкомысленны и менее осторожны в общении. Возможны следующие объяснения обнаруженного факта. Импульсивные и легкомысленные подростки легко включаются в травлю других, не задумываясь о последствиях. В то же время такие качества как импульсивность и легкомыслие дают им возможность агрессивно защищать себя, сопротивляться, если травля направлена в их адрес.

Были обнаружены также значимые различия по фактору Q4 («степень внутреннего напряжения») между «агрессорами» (НЖА), с одной стороны, и «жертвами» (НЖ), «наблюдателями (Н) и не имеющими опыта КБ, с другой. В первой группе показатель значимо выше. Подростки, занимающиеся травлей, имеют более низкий порог внутреннего напряжения. У них быстрее, чем у других участников онлайн-контактов, наступает фрустрация, что побуждает их защищаться, в том числе с помощью издевательств над другими.

Таким образом, можно предположить, что эмоциональная неустойчивость, неуверенность в себе, низкий порог фрустрации в сочетании с низким самоконтролем, слабой ориентацией на социальные нормы и повышенной импульсивностью в общении способствуют такой онлайн-коммуникации, в которой человек будет склонен быть одновременно и объектом, и субъектом травли.

Выявленные особенности могут продемонстрировать следующий клинико-психологический пример.

Описание случая. Владислав (имя изменено), 15 лет, ученик 9 класса химико-биологического направления. Имеет полную семью, младшего брата. Во время учебного периода проживает в общежитии.

По результатам анкетирования был отнесен к группе «наблюдатель-жертва-агрессор». Владислав признается, что несколько раз сталкивался с ситуациями издевательств в Интернете. Однажды столкнулся с ситуациями кибербуллинга в свой адрес. Отмечает, что за последний год о нем несколько

раз написали обидные сообщения, распространяли сплетни, угрожали, а также публиковали в его адрес грубые комментарии и жесты сексуального характера. Данные воздействия происходили по следующим каналам: SMS, через социальную сеть Вконтакте и при игре с Xbox, Playstation и аналогичными устройствами. Владислав указывает, что несколько раз сам унижал и оскорблял других в Интернете, и за последний год это было несколько раз. Подросток признает, что в основном публиковал обидные сообщения о национальности адресата, а также оскорбительные сообщения по поводу религии. Однажды он размещал данный контент в социальной сети Вконтакте и несколько раз – в массовых многопользовательских онлайн-играх.

По «Многофакторному личностному опроснику» Кеттелла Владислав продемонстрировал высокие показатели по факторам: А («шизотимия-аффектомия»), В («интеллект»), D («флегматичность-возбудимость»), G («степень принятия моральных норм»), H («застенчивость-авантюризм»), I («реализм-сензитивность»), O («спокойная самоуверенность-чувство вины»); средний показатель по фактору F («осторожность-легкомыслие»), низкие показатели по факторам С («степень эмоциональной устойчивости»), Е («подчиненность-доминирование»), J («осторожный индивидуализм-интерес к участию в общих делах»), Q2 («самодостаточность-социабельность») и Q3 («степень самоконтроля»), Q4 («степень внутреннего напряжения»).

Таким образом, Владислав, неоднократно прибегая к издевательствам в онлайн-пространстве через различные каналы, и, в то же время подвергаясь травле, характеризуется сниженной эмоциональной устойчивостью и слабым самоконтролем, низким порогом внутреннего напряжения, импульсивностью. Можно предположить, что такие личностные характеристики определяют предрасположенность Владислава к конфликтной коммуникации онлайн, в которой он становится как жертвой, так и инициатором травли. Подросток отличается неуверенностью в себе, зависимостью настроения и поведения от обострения или неодобрения со стороны окружающих. При таких характерологических чертах активное включение в онлайн-коммуникацию, в

которой «приветствуется» агрессивное поведение участников (например, онлайн-игры), способствует переживанию обиды, злости, что определяет ответную агрессию подростка в адрес обидчиков.

Не было обнаружено значимых различий ни по одному из факторов опросника Кеттелла между не имеющими опыта КБ, с одной стороны, и «жертвами» (НЖ) и простыми «наблюдателями» (Н), с другой. Изучаемые эмоционально-волевые и коммуникативные характеристики личности, таким образом, не являются предикторами как виктимного поведения в онлайн-коммуникации, так и факторами, определяющим склонность включаться в ситуации кибербуллинга в роли простого наблюдателя. Требуются дальнейшие исследования, которые могли бы объяснить, почему при равной доступности контактов онлайн, одних подростков вовсе не затрагивает проблема кибербуллинга (без опыта КБ), а другие вовлекаются в КБ, становясь объектами травли или наблюдая травлю других.

Данные результаты частично согласуются с результатами других исследователей. Так, авторы замечают, что «агрессорам» свойственна импульсивность [3, 31, 40,]. Причем высокий уровень импульсивности у мальчиков способствует более активному проявлению онлайн-агрессии, а у девочек – распространению обидных сообщений [40]. Исследователи замечают, что большая раздражительность характерна для «жертв» и «жертв-агрессоров» [80]. Слабый волевой контроль характерен для агрессоров, а высокий – для не сталкивающихся с травлей [3, 31, 39, 41].

В таблице 14 представлены результаты подростков с различным опытом в ситуациях кибербуллинга по опроснику Басса-Дарки.

Таблица 14. Результаты по опроснику агрессивности Басса-Дарки

Фактор	1 группа (НЖА)	2 группа (НЖ)	3 группа (Без КБ)	4 группа (Н)	p-value	
					НЖ- Без опыта КБ	НЖА- Без опыта КБ

Физическая агрессия	3,65±1,8	2,6±1,3	2,5±1,3	2,0±1,1	-	-
Косвенная агрессия	3,8±1,91	4,2±1,63	1,25±1,9	2,83±2,48	-	-
Раздражение	6,12±2,32	6,08±2,1	1,5±1,3	5,0±3,16	0,001	0,001
Негативизм	2,3±1,4	1,9±1,4	0,5±0,58	1,0±1,55	-	-
Обида	3,82±1,67	2,85±1,86	3,3±2,06	2,67±2,5	-	-
Подозрительность	4,88±2,47	5,23±2,86	4,0±3,16	3,17±2,8	-	-
Вербальная агрессия	7,88±2,29	7,46±1,94	5,25±1,9	5,25±1,89	-	-
Чувство вины	5,24±3,07	6,46±1,81	5,75±2,22	5,5±2,5	-	-

Не было выявлено различий между изучаемыми группами подростков по показателям большинства шкал опросника Басса-Дарки. Подростки с различным опытом в ситуациях кибербуллинга значимо не отличаются по склонности к физической, вербальной и косвенной агрессии, тенденции к негативизму, подозрительности, обидчивости и чувству вины.

Были обнаружены значимые различия только по шкале «Раздражение». В сравнении с детьми, не вовлеченными в ситуации кибербуллинга, и «агрессоры» (НЖА), и «жертвы» (НЖ) характеризуются большей раздражительностью, под которой авторы опросника понимают «готовность выражать негативные чувства при малейшем эмоциональном возбуждении». Принимая во внимание то, что респонденты обеих групп когда-то страдали от травли, мы предполагаем, что именно раздражительность (вспыльчивость) в общении может провоцировать сверстников на грубость и издевательства в их адрес. «Жертвы-агрессоры» отвечают на буллинг буллингом. А у подростков, которые не признаются в инициировании буллинга сейчас («жертвы»), можно предполагать высокий риск реагировать таким образом в будущем.

Полученные результаты согласуются с данными публикации, где отмечается, что большая раздражительность характерна как для «жертв», так и для «жертв-агрессоров» [81].

3.3 Сравнительный анализ особенностей самооценки

Особенности самооценки подростков изучались с помощью методики Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан. В таблице 15 представлены среднегрупповые результаты респондентов четырех групп, сопоставленные с нормативными данными (по Прихожан А.М.).

Таблица 15. Результаты сопоставления среднегрупповых показателей самооценки ($M \pm SD$) с нормативными данными ($N=105$)

Шкалы	1 группа (НЖА)	2 группа (НЖ)	3 группа (Без опыта КБ)	4 группа (Н)	p-value		
					НЖА -НЖ	НЖА - Без опыта КБ	Н-Без опыт а КБ
Здоровье	75,9 \pm 22,9 Очень высокий	70,2 \pm 25,02 Высокий	82,0 \pm 17,3 Очень высокий	78,4 \pm 22,61 Очень высокий	-	-	-
Характер	54,28 \pm 21,7 Средний	74,0 \pm 24,4 Высокий	85,14 \pm 16,2 Очень высокий	66,1 \pm 19,88 Высокий	0,007	0,002	-
Ум	65,95 \pm 23,3 Высокий	70,67 \pm 20,6 Высокий	83,57 \pm 16,7 Очень высокий	70,14 \pm 27,5 Высокий	-	-	-
Способности	60,8 \pm 27,35 Высокий	69,9 \pm 31,3 Высокий	74,1 \pm 31,88 Высокий	82,86 \pm 13,7 Очень высокий	-	-	-
Авторитет у сверстников	55,6 \pm 25,58 Средний	57,95 \pm 27,7 Средний	79,0 \pm 14,72 Очень высокий	58,0 \pm 36,66 Средний	-	-	-

В							
Красота	58,9±28,85 Средний	68,4±19,26 Высокий	82,57±13,4 Очень высокий	57,43±35,0 Средний	-	-	-
Уверенность в себе	66,26±28,3 Высокий	68,9±24,85 Высокий	91,14±11,1 Очень высокий	59,9±21,86 Средний	-	-	0,005
Медиана	65,41±18,2 Высокий	73,43±20,6 Высокий	79,36±14,3 Очень Высокий	74,0±22,78 Высокий	-	-	-

По показателям большинства шкал методики не было выявлено различий между подростками с различным опытом КБ. Группы значимо не отличаются по самооценке здоровья, ума, способностей, авторитету у сверстников, красоте и среднему значению самооценки.

Были обнаружены значимые различия по шкалам «Характер» и «Уверенность в себе». Так, в сравнении с «жертвами» (НЖ) и детьми, не вовлеченными в ситуации КБ, «агрессоры» (НЖА) характеризуются более низкой оценкой своего характера. Можно предположить, что отношение подростка к себе как человеку с «трудным характером» и далекому от некоего идеала во взаимодействии с другими будет способствовать более рискованному и агрессивному поведению в онлайн-коммуникации. С помощью буллинга подросток пытается повысить самоуважение за счет унижения других. Подростки же с более высокой оценкой характера избегают онлайн-контактов, допускающих буллинг («без опыта КБ»), или, столкнувшись с травлей в свой адрес, не склонны отвечать в той же агрессивной манере («НЖ»).

В то же время подростки, наблюдающие за травлей в Сети, ниже оценивают свою уверенность в себе, чем дети, не сталкивающиеся с кибертравлей. Предполагаем, что нерешительный, сомневающийся в своих силах, зависимый подросток, будет включаться в онлайн-контакты, в которых

есть риск буллинга, но исключительно в пассивной позиции – в роли простого наблюдателя.

Согласно нормативным данным (по Прихожан А.М.), группы респондентов в основном оценивали себя высоко и очень высоко. Средние значения встречаются гораздо реже, отсутствуют шкалы с низкими значениями.

Полученные результаты лишь частично согласуются с данными других исследователей. Так, некоторые авторы отмечают, что у «агрессоров» развивается завышенная самооценка как побочное явление травли в Сети [3, 45]. Однако большинство исследователей приходят к выводу, что «жертвы» и «жертвы-агрессоры» характеризуются низкой самооценкой [3, 6, 19, 31, 44, 50, 52, 56, 60, 61, 64, 66, 68, 70, 74].

Таблица 16. Результаты сопоставления среднегрупповых показателей уровня притязаний ($M \pm SD$) с нормативными данными ($N=105$)

Шкалы	1 группа (НЖА)	2 группа (НЖ)	3 группа (Без КБ)	4 группа (Н)
Здоровье	90,51±19,05 Очень высокий	92,95±12,45 Очень высокий	99,71±0,76 Очень высокий	93,71±10,16 Очень высокий
Характер	80,6±22,05 Высокий	90,38±14,19 Очень высокий	96,86±6,7 Очень высокий	75,29±21,58 Высокий
Ум	86,67±23,4 Высокий	95,43±8,18 Очень высокий	99,00±1,91 Очень высокий	89,43±14,5 Высокий
Способности	80,45±26,61 Высокий	86,76±22,49 Высокий	96,29±8,98 Очень высокий	93,57±9,66 Очень высокий
Авторитет у сверстников	80,00±26,63 Высокий	81,90±22,96 Высокий	96,71±7,09 Очень высокий	74,29±35,06 Средний
Красота	58,84±28,85	68,38±19,26	82,57±13,43	57,43±35,03

	Низкий	Средний	Высокий	Низкий
Уверенность в себе	66,26±28,32 Средний	68,91±24,85 Средний	91,14±11,11 Очень высокий	59,86±21,86 Низкий
Медиана	83,64±21,49 Высокий	96,05±27,4 Очень высокий	97,57±3,15 Очень высокий	83,14±15,61 Высокий

Отсутствуют значимые различия между группами по уровню притязаний. У большинства подростков высокий и очень высокий уровень притязаний по нормативным данным А.М. Прихожан. Низкий уровень притязаний был обнаружен у группы наблюдателей по шкалам «Красота» и «Уверенность в себе». Что означает заниженное представление о своей внешности и своих возможностях. Подростки группы «жертв-агрессоров» оценили себя низко по шкале «красота», что может объяснить их участие в кибербуллинге в роли жертвы и последующее агрессивное поведение.

Завышенные показатели по уровню притязаний оказались у группы подростков, не вовлеченных в онлайн-травлю по всем шкалам, кроме «Красоты», «агрессоров-наблюдателей-жертв» по шкале «Здоровье», у «жертв-наблюдателей» по шкалам «Здоровье», «Характер», «Ум», а у наблюдателей по шкалам «Здоровье» и «Способности». Что говорит о снижении критики и нереалистичности по отношению к своим способностям и возможностям.

Таким образом, в общем, группы «жертв-наблюдателей» и подростков, не сталкивающихся с онлайн-травлей имеют завышенный уровень притязаний, однако в литературе указывается, что завышенный уровень притязаний свойственен скорее «агрессорам» [19].

3.4 Сравнительный анализ ценностных ориентаций

Ценностные ориентации респондентов изучались с помощью опросника Ш. Шварца. Сравнительный анализ ценностных ориентаций в четырех группах

проводился для того, чтобы ответить на вопрос, определяют ли особенности мотивации, в частности ценностный компонент, склонность к определенной роли в ситуации кибербуллинга. В таблице представлены результаты по опроснику в четырех группах респондентов.

Таблица 17. Результаты по опроснику Ш. Шварца на уровне индивидуальных приоритетов

Фактор	1 группа (НЖА)	2 группа (НЖ)	3 группа (Без КБ)	4 группа (Н)	p-value	
					НЖ- Без опыта КБ	НЖА- Без опыта КБ
Власть	3,7±1,41 Высокий	3,6±1,5 Высокий	3,8±1,7 Высокий	2,9±1 Высокий	-	-
Достижение	4,65±0,87 Высокий	4,18±1,38 Высокий	3,85±0,82 Высокий	4,33±0,74 Высокий	-	-
Гедонизм	4,92±0,96 Высокий	4,82±1,2 Высокий	4,18±0,81 Высокий	3,93±0,84 Высокий	-	-
Стимуляция	3,71±1,17 Высокий	3,58±1,43 Высокий	3,83±0,35 Высокий	3,83±0,35 Высокий	-	-
Самостоятельность	4,14±0,97 Высокий	4,97±0,57 Высокий	3,85±0,33 Высокий	4,87±0,84 Высокий	0,002	-
Универсализм	4,14±1 Высокий	4,7±0,7 Высокий	4,0±0,68 Высокий	4,8±0,68 Высокий	-	-
Доброта	4,13±0,93 Высокий	4,75±0,64 Высокий	4,1±0,45 Высокий	4,65±0,48 Высокий	-	-
Традиция	3,73±1,42 Высокий	3,96±1,15 Высокий	3,63±0,63 Высокий	3,63±1,24 Высокий	-	-
Конформность	3,84±1,26 Высокий	3,89±1,39 Высокий	3,30±0,71 Высокий	4,07±0,7 Высокий	-	-
Безопасность	5,3±0,52 Высокий	5,18±0,8 Высокий	4,48±0,71 Высокий	5,33±0,71 Высокий	-	-

Как видно из таблицы 17, по большинству шкал опросника не было обнаружено значимых различий между изучаемыми группами. Была выявлена значимая разница по показателю шкалы «Самостоятельность» между «жертвами» и не имеющими опыта КБ. Подростки, сообщившие, что страдали от травли, в сравнении с детьми без опыта КБ в большей степени нацелены на автономию в мыслях, мнении, поведении. У них более выражен исследовательский интерес, что может проявляться в более активном познании и сферы онлайн-коммуникации. Такая активность определяет более высокий риск столкнуться с кибербуллингом. У подростков с менее выраженным исследовательским интересом и стремлением к автономии, этот риск ниже. Несмотря на отсутствие значимых различий, стоит оценить как тенденцию более высокие значения шкалы «Самостоятельность» и у двух других групп респондентов, сталкивающихся с кибербуллингом: «агрессоров» и «наблюдателей».

Стоит отметить, что не было обнаружено статически значимых различий между группами по иерархии ценностных ориентаций.

3.5 Сравнительный анализ проявлений школьной тревожности

Для оценки уровня школьной тревожности, связанной со школьной средой у подростков, использовался Тест школьной тревожности Филлипса.

При сравнении групп подростков с различным опытом кибербуллинга не было выявлено статистически значимых различий между группами участников кибертравли ни по одному из показателей школьной тревожности.

3.6 Результаты корреляционного анализа личностных особенностей и показателей опыта включенности в кибербуллинг

Был проведен корреляционный анализ связей показателей опыта КБ (частоты встречаемости различных аспектов КБ), выявляемых с помощью

анкеты, и показателей личностных характеристик по опросникам Кеттелла, Басса-Дарки, Ш. Шварца и методики Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан.

По результатам корреляционного анализа были получены значимые взаимосвязи между отдельными личностными характеристиками и показателями частоты встречаемости следующих аспектов КБ: «чувство внутреннего напряжения после буллинга», «подвергался сплетням в Интернете», «подвергался буллингу в онлайн-играх», «подвергался буллингу в ВКонтакте», «подвергался грубым и обидным сообщениям», «сам распространял грубые сообщения», «сам распространял оскорбления, угрозы». Обнаруженные связи представлены на рисунках 4-7. Анализу подвергались связи, выявленные на уровне $p \leq 0,01$).

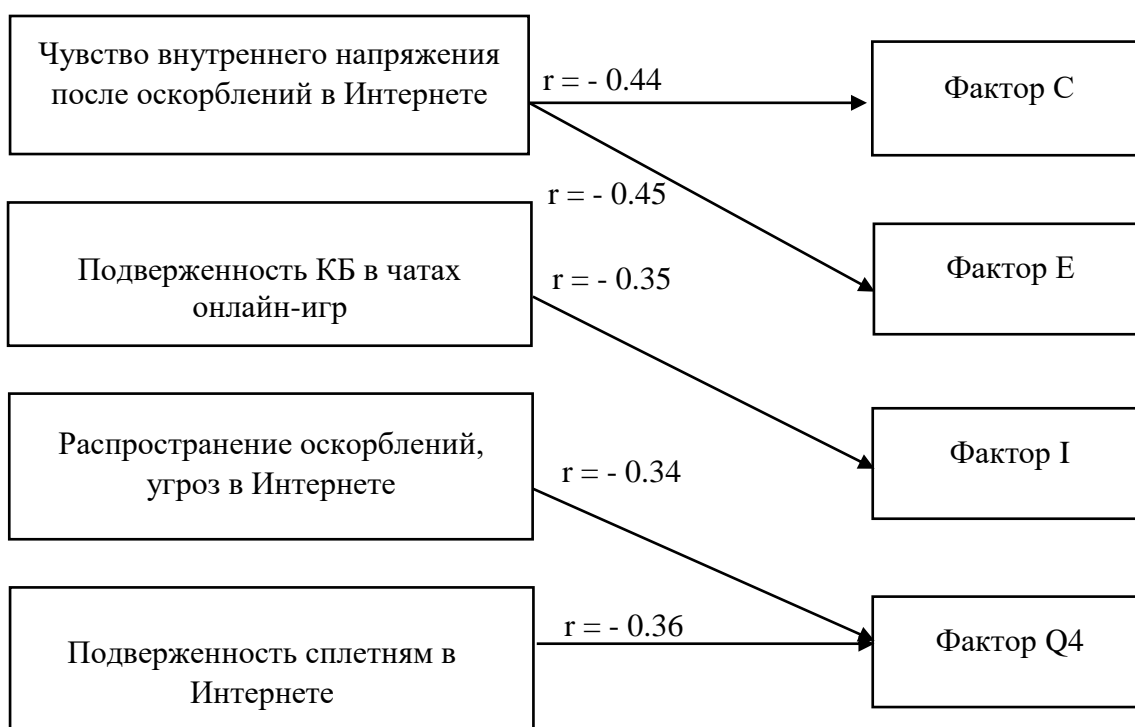

Рис. 5. Связи между показателями опыта кибербуллинга и эмоциональными и коммуникативными характеристиками

Выявлено, что факторы С («степень эмоциональной устойчивости») и Е («пассивность-доминантность») отрицательно коррелируют с частотой

«переживания внутреннего напряжения после кибербуллинга». Подростки, характеризующиеся эмоциональной неустойчивостью, раздражительностью и склонностью к пассивным ролям в общении и зависимости от других, будут чаще находиться в состоянии дистресса в случае оскорблений, грубости и угроз в их адрес. Именно эта категория подростков в большей степени нуждается в психологическом сопровождении при потенциальном или реальном столкновении с буллингом онлайн. Основные задачи психологического вмешательства можно определить так: эмоциональная поддержка, помощь в поиске адекватных способов совладания с напряженными ситуациями общения (как вести себя в случае КБ), развитие навыков саморегуляции.

Фактор I («реализм-сензитивность») имеет отрицательную связь с показателем «подвергался буллингу в онлайн-играх». Чем более выражен реализм, тем чаще подростки оказываются жертвами травли в онлайн-играх. Эту связь можно проинтерпретировать следующим образом: склонные к реалистичным оценкам, ориентированные на реальную деятельность, а не на интимно-личностные отношения, более жесткие по характеру подростки более охотно включаются в многопользовательские онлайн-игры и не избегают такого формата игры, где участники позволяют себе совершать буллинг. Можно высказать предположение, что участие в таких играх повышает у подростка порог фрустрации таким образом, что травля будет переживаться безболезненно, оцениваться как «не вразумительная». Это может еще больше сместить фокус внимания с интимно-личностных отношений, которые являются важнейшей сферой личностного развития в подростковом возрасте, на деловые и поверхностные. Для подростков последние могут стать более удобными, комфортными.

Обнаружено также, что фактор Q4 («степень внутреннего напряжения») положительно коррелирует с показателями «подвергался сплетням в Интернете», «сам распространял грубые сообщения». Более возбудимые, беспокойные, фрустрированные подростки чаще обнаруживают в Сети сплетни в свой адрес, при этом чаще сами пишут грубые сообщения в адрес других.

Можно предположить, что «нервозность» подростка, которая очевидна для окружающих в оффлайн- или онлайн-общении, провоцирует других распространять о нем нелюбезные слухи. Внутреннее напряжение подростка не дает ему сдержаться в выражении негативных чувств к другим, и это проявляется в грубых высказываниях.

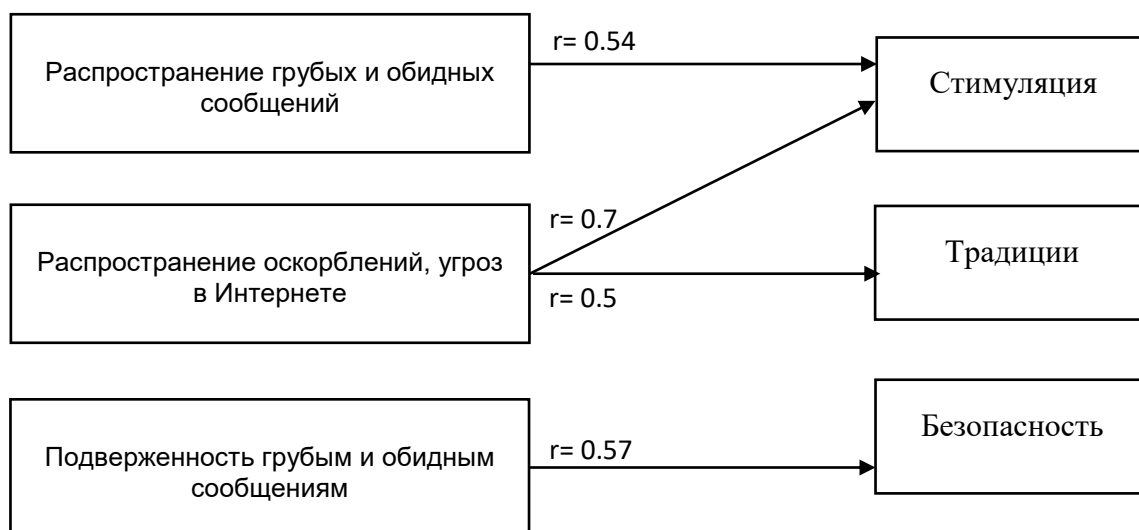

Рис. 6. Связи между показателями опыта кибербуллинга и ценностными ориентациями

Обнаружены положительные корреляционные связи показателей некоторых ценностных ориентаций, выявляемых с помощью опросника Ш. Шварца, и показателей опыта КБ: «подвергался грубым и обидным сообщениям», «сам распространял грубые сообщения», «сам распространял оскорбления, угрозы».

Так, ценность «Стимуляция» (полнота жизненных переживаний) оказалась положительно связана с частотой распространения оскорблений и угроз. Чем более значимой для подростка является ценность «полнота переживаний», тем чаще он прибегает к кибербуллингу в виде оскорблений и угроз в адрес собеседников. Можно высказать предположение, что стремление к новым ярким впечатлениям, формирует готовность рисковать в общении, не задумываясь о последствиях, и выражать негативные эмоции в агрессивной, грубой манере.

Ценность «Традиции» также положительно коррелирует с частотой распространения оскорблений и угроз. Установленная связь может отражать противоречивое поведение «агрессоров»: следование традициям, верованиям, нормам поведения окружения в реальной жизни, сочетается с их нарушением в онлайн-пространстве. Представляется, что это связано с отсутствием или ослаблением контроля за поведением в Сети со стороны общества.

Выявлена положительная корреляционная связь ценности «Безопасность» с показателем «подвергался грубым и обидным сообщениям». Чем в большей степени для подростка представляется важным сохранить стабильные, ровные, безопасные отношения с окружающими, тем больше эпизодов грубости в свой адрес в онлайн-коммуникации он замечает. Подростки с преобладанием стремления к безопасности, возможно, будут острее реагировать и даже преувеличивать степень грубости высказанных в их адрес сообщений.

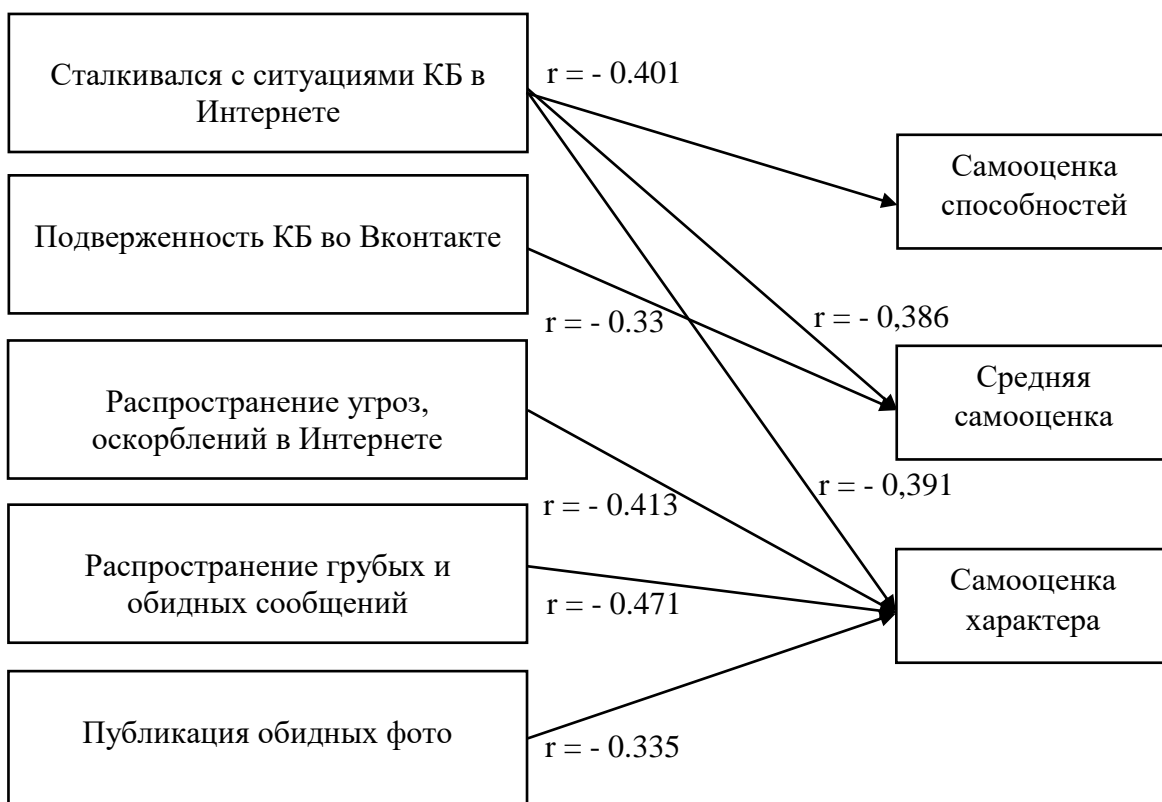
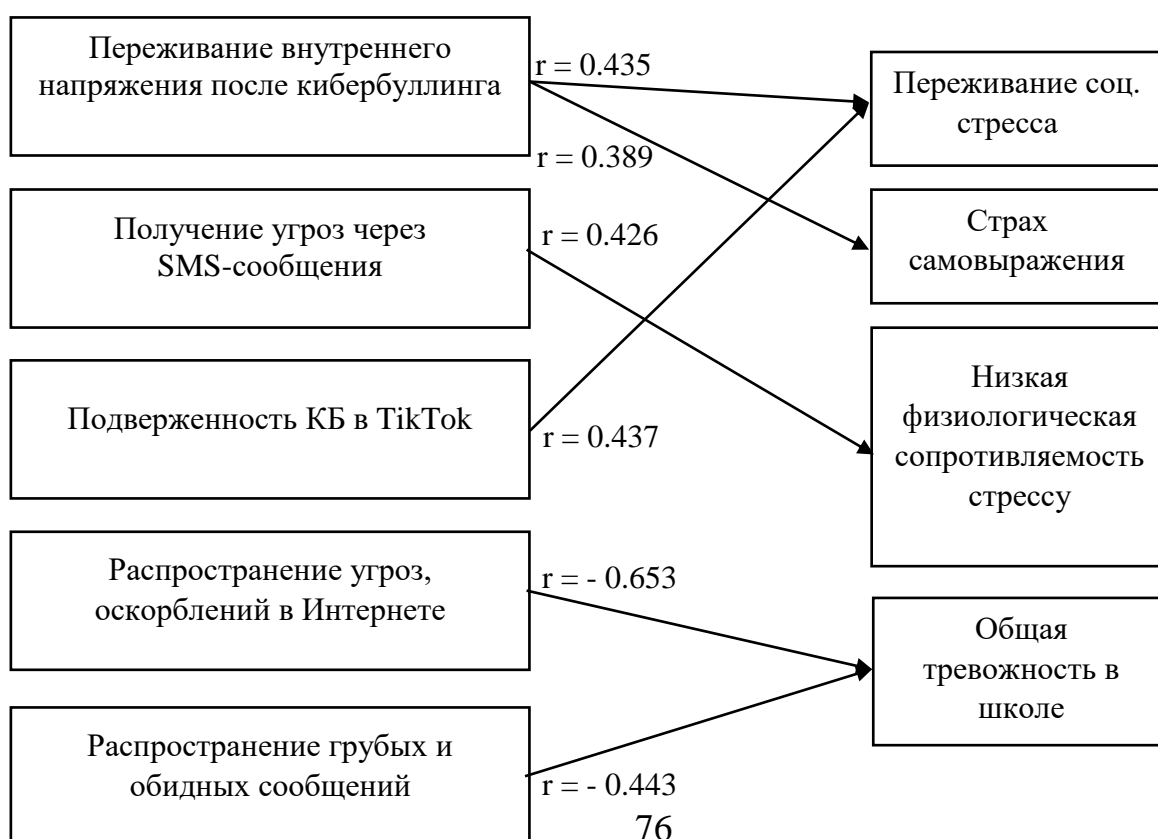

Рис. 7. Связи между показателями опыта кибербуллинга и самооценкой

Частота столкновения с ситуациями кибертравли в адрес других отрицательно связана с показателем средней самооценки, самооценки характера и способностей. Чем ниже оценка своих умений, характера и самооценка в целом, тем чаще подросток является наблюдателем ситуаций буллинга в адрес других. Можно интерпретировать данную связь как своеобразный способ компенсации ощущения собственной недостаточности.

Показатель средней самооценки также отрицательно связан с показателем подверженности онлайн-травле в Вконтакте: чем выше самооценка, тем меньше вероятность подвергнуться издевательствам в социальной сети. Это может быть связано с тем, что пользователи с высокой самооценкой тщательно подбирают контент на свою страницу: выкладывают качественные и удачные фото и видео, публикуют информацию полезного или нейтрального характера и не говорят откровенно о своих чувствах.

Показатель самооценки характера отрицательно связан с показателями частоты распространения угроз, грубых сообщений и обидных фото. Предполагаем, что, чем более плохим считает свой характер подросток, тем чаще он будет угрожать, оскорблять в онлайн-пространстве.

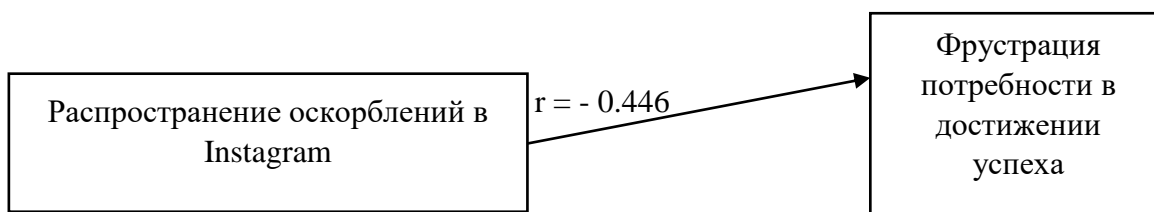

Рис. 8. Связи между показателями опыта кибербуллинга и проявлениями школьной тревожности

Чувство внутреннего напряжения после кибертравли положительно связано с такими проявлениями школьной тревожности как переживание социального стресса и страх самовыражения. Беспокойство и внутреннее напряжение после онлайн-травли будут сильнее испытывать подростки, которые чаще испытывают стресс в реальном общении и имеют трудности самораскрытия в среде сверстников. Такие подростки довольно скрытны, застенчивы, интровертированы и часто чувствуют дискомфорт в общении. Столкновение с кибертравлей заставляет их чувствовать дополнительный дискомфорт. Переживание социального стресса имеет также положительную связь с показателем подверженности кибербуллингу в сервисе TikTok. Данная корреляция может быть объяснена следующим образом: подросток может создавать контент для данного сервиса, который будет привлекать внимание сверстников-агрессоров: например, видео плохого качества, лишние предметы в кадре и фоновый шум, а также примитивное исполнение какой-либо задумки.

Частота получения угроз через SMS-сообщения положительно связана с низкой физиологической сопротивляемостью стрессу. Вероятность повергнуться буллингу через SMS-сообщения будет выше у подростков с трудностями приспособления к стрессогенным ситуациям. Возможно, сверстники, наблюдая ярко выраженную тревогу в опасных ситуациях у таких подростков, желают вновь вызвать эмоции, отправляя SMS-сообщения устрашающего характера. При этом сообщения будут более стрессогенными, если отправлены с неизвестных номеров.

Были обнаружены отрицательные связи между общей тревожностью в школе и частотой распространения угроз и грубых сообщений в Интернете, между фрустрацией потребности в успехе и частотой распространения оскорблений в приложении Instagram. Можно предположить, что проявлять агрессивность онлайн скорее будут подростки, которые мало озабочены школьными делами, не фрустрированы в плане школьных успехов, легко переносят стресс в школьной ситуации.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтвердили гипотезу о различиях в эмоционально-волевых и коммуникативных характеристиках подростков, имеющих различный опыт в ситуациях кибербуллинга. Обнаружены отличия в особенностях личности «агрессоров» и «жертв», с одной стороны, и подростков, не включенных в ситуации кибербуллинга, с другой. Установлены также отличия в особенностях личности «агрессоров» и подростков, которые включены в кибербуллинг, но сами не инициируют травлю – «жертв» и «наблюдателей». Гипотеза о более низкой самооценке «агрессоров» и «жертв» травли в сравнении с подростками, не включенными в кибербуллинг, нашла частичное подтверждение. Гипотеза о специфических особенностях ценностных ориентаций у подростков с различным опытом в ситуациях кибербуллинга оказалась верной только относительно одной ценности – «Самостоятельность», которая имеет разную значимость у «жертв» и респондентов, не включенных в ситуации кибербуллинга.

ВЫВОДЫ

1. Выявлено, что более 50% респондентов подвергались кибербуллингу, более 80% были свидетелями травли в адрес других и около 12% инициировали кибербуллинг. При этом все подростки, признавшие факт совершения кибертравли в адрес других, считали себя также «жертвами».
2. Констатировано, что в ситуациях кибербуллинга юноши чаще, чем девушки занимают позицию «агрессора», девушки, в свою очередь, чаще, чем юноши, становятся «жертвами» и «наблюдателями» кибербуллинга.
3. Установлено, что наиболее распространенными видами кибербуллинга в подростковой среде являются грубые и обидные сообщения, распространение сплетен, имперсонация, угрозы. Наиболее часто используемыми каналами кибербуллинга являются социальная сеть Вконтакте и чаты массовых многопользовательских онлайн-игр.
4. Выявлено, что подростки, совершающие травлю онлайн, в сравнении с не включенными в ситуации кибербуллинга менее эмоционально устойчивы и менее уверены в себе, имеют более слабый волевой контроль и более низкий порог фрустрации. При этом «жертвы» и «наблюдатели» не отличаются по данным характеристикам от подростков, не включенных в ситуации кибербуллинга.
5. Обнаружено, что для подростков, совершающих кибербуллинг, в сравнении с «жертвами» характерны более слабый волевой контроль и более слабая ориентация на социальные нормы, большая импульсивность и легкомысленность в общении. Как от «жертв», так и «наблюдателей», «агрессоры» отличаются более низким порогом фрустрации.

6. Установлено, что и «агрессоры», и «жертвы» кибертравли отличаются большей раздражительностью в общении в сравнении с подростками, не включенными в ситуации кибербуллинга.
7. Подростки, совершающие кибертравлю, имеют более низкую самооценку характера в сравнении с «жертвами» и респондентами, не включенными в ситуации кибербуллинга. Самооценка «жертв» не отличается от самооценки респондентов, не включенных в ситуации кибербуллинга, ни по одному из качеств. «Наблюдатели» оценивают уверенность в себе ниже, чем не вовлеченные в ситуации кибербуллинга.
8. Установлено, что подростки, имеющие разный опыт включенности в кибербуллинг, не отличаются по большинству ценностных ориентаций. Исключение составляет ценность «Самостоятельность», которая оказывается более значимой для подростков-жертв кибертравли в сравнении с респондентами без опыта. Это указывает на более выраженный исследовательский интерес «жертв», что может проявляться в более активной онлайн-коммуникации, сопряженной с риском столкновения с буллингом.
9. Выявлены корреляционные связи показателей опыта кибербуллинга с некоторыми личностными характеристиками: степень эмоциональной устойчивости отрицательно коррелирует с показателем «внутреннего напряжения» после кибертравли; степень фрустрированности положительно коррелирует с частотой подверженности сплетням и распространением грубых сообщений в Интернете; значимость ценности «Безопасность» положительно коррелирует с частотой подверженности грубым сообщениям; самооценка отрицательно коррелирует с частотой подверженности травле через социальную сеть Вконтакте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема онлайн-травли широко распространена во всем мире и является наиболее острой для подросткового возраста. Исследователи пытаются ответить на вопрос, какие социальные и психологические факторы predispose к включению в кибербуллинг в роли «агрессора», «жертвы» или «наблюдателя» травли.

Предметом данного исследования стали эмоционально-волевые, коммуникативные особенности личности, самооценка, ценностные ориентации и проявления школьной тревожности у подростков 13-15 лет с различным опытом в ситуациях кибербуллинга.

Было выявлено, что инициаторы кибертравли отличаются от респондентов без опыта КБ меньшей эмоциональной устойчивостью, более низким уровнем самоконтроля. В то время как «жертвы» и «наблюдатели» не имеют по данным характеристикам отличия от подростков, не включенных в КБ. Сходство между «агрессорами» и «жертвами» наблюдается в таком качестве как раздражительность в общении – она ярче выражена в сравнении с группой респондентов без опыта КБ. Однако «агрессоры» более легкомысленны, менее ориентированы на социальные нормы, чем «жертвы».

В исследовании был также поставлен вопрос, отличается ли самооценка подростков с разными ролями в КБ. Оказалось, что по большинству оцениваемых качеств «Я» подростки с различным опытом КБ не отличаются. Исключение составила оценка характера и уверенности в себе. При сравнении с подростками без опыта КБ, она оказалась более низкой у «агрессоров» (характер) и «наблюдателей» (уверенность в себе).

Были уставлены различия между «жертвами» КБ и респондентами без опыта по ценностной ориентации «Самостоятельность». Она является более значимой для первых.

Полученные результаты могут быть использованы психологами общеобразовательных учреждений в просветительской работе, направленной на

снижение у подростков риска вовлекаться в онлайн-травлю в качестве «жертвы», «агрессора» или «наблюдателя». Они могут быть учтены в психопрофилактической и психокоррекционной работе. Такая работа особенно востребована для подростков, обладающих такими личностными особенностями, по которым была обнаружена разница между вовлеченными и не вовлеченными в КБ: слабость волевого контроля, эмоциональная неустойчивость, раздражительность, неудовлетворенность характером и мерой уверенности в себе и др. Детям с такими характерологическими особенностями необходима работа с психологом по развитию навыков совладания со стрессовыми ситуациями, развитию навыков общения и самопознания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Агаджанова Э.Р. Девиантное поведение подростков: причины, формы, профилактика// Симбирский научный вестник. 2019. № 4 (38). С. 7-11
2. Беличева С.А. Основы превентивной психологии. М.: Социальное здоровье России, 1994. 224 с.
3. Бенгина Е.А., Гришаева С.А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка// Вестник университета. 2018. №. 2. С. 153-157.
4. Божович Е.Д. Психологические особенности развития личности подростка / Ордена Ленина Всесоз. о-во "Знание". М.: Знание, 1979. 40 с.
5. Возрастная психология, детство, отрочество, юность: Хрестоматия / Сост. и науч. ред. В.С.Мухина, А.А. Хвостов. М.: Издат. центр "Академия", 2001. 624 с.
6. Волкова Е.Н., Волкова И.В. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга //Вестник Мининского университета. 2017. №. 3 (20).
7. Волчегорская Е.Ю., Жукова М.В., Шишкина К.И., Фролова Е.В. Подверженность кибербуллингу детей младшего школьного возраста // Ученые записки университета Лесгафта. 2019. №10 (176). С. 412-415.
8. Дозорцева Е.Г., Кирюхина Д. В Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков //Прикладная юридическая психология. 2020. №. 1. С. 80-87.
9. Долгова В.И., Крыжановская Н.В., Кудрякова К.В. Управление процессом саморегуляции у младших школьников // Вестник ЮУрГГПУ. 2018. №3. С. 203-211.
- 10.Зекерьяев Р.И., Середа М.И. Особенности интернет-социализации подростков с социально дезадаптированным поведением//Ученые записки крымского инженерно-педагогического университета. серия: педагогика. Психология. 2017. №1(7). С. 134-137.

- 11.Змановская Е.В Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - 2-е изд., испр. М.: Издательский центр "Академия", 2004. 288 с.
- 12.Змановская Е.В., Рыбников В. Ю. Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие. СПб.: Питер. 2010. 352 с.
- 13.Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь. 2004. 70 с.
- 14.Кириллова Е.Б. Возрастные различия черт личности подростков с девиантным поведением//Пенитенциарная наука. 2017. С. 76-81.
- 15.Кириллова Е.Б. Гендерные различия черт личности подростков с девиантным поведением// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. №53-10. С. 238-248.
- 16.Ковалев В.В. Семиотика и диагностика психических заболеваний у детей и подростков. М.: Медицина, 1985. 288с.
- 17.Колодезникова М.В., Николаев Е.В. Кибербуллинг и его психологические последствия// The Scientific Heritage. 2020. №56-5. С. 52-54.
- 18.Лажинцева Е.М., Бочавер А.А. Интернет как новая среда для проявления девиантного поведения подростка//Вопросы психологии. 2015. 4. С. 49-58
- 19.Лебедева И. В., Лабутин А. С. Баранов А. Н. Буллинг как девиация отношений в детско-подростковой среде // Проблемы современного педагогического образования. 2019. №63-1. С. 173-176.
- 20.Лучинкина И.С., Фазилова А.Э. Психологические особенности личности, включенной в ситуацию буллинга в реальном и виртуальном пространстве //Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2019. №. 4. С. 46-49.
- 21.Макарова Е.Л., Махрина Е.А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления //Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. №. 3. С. 293-311.
- 22.Мардахаев Л.В. Словарь по социальной педагогике. М. 2002. 237 с.

23. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: Учебное пособие. СПб.: Речь, 2005. 445 с.
24. Мишина М.М., Воробьева К.А. Психологические особенности личности участников кибербуллинга в популярных социальных сетях // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2020. №3. С. 29-43.
25. Погорелова Е.И., Арькова И.В., Голубовская А.С. Психологические особенности подростков, включенных в ситуацию кибербуллинга // Северо-Кавказский психологический вестник. 2016. Т. 14. №. 2. С. 47-53.
26. Практикум по возрастной психологии: Учеб. пособие / Под ред. Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. СПб.: Речь. 2002. 694 с.
27. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: Учебное пособие. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. 672 с.
28. Рыбалко Е.Ф. Возрастная и дифференциальная психология. СПб.: Питер. 2001. 224 с.
29. Сафронова Е.П. Влияние сети "интернет" на формирование преступного поведения несовершеннолетних // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2017. №1 (11). С. 25-27 .
30. Соколова Д.В. Агрессия в Интернете: распространение кибербуллинга среди российских подростков [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2017. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2315> (дата обращения: 15.03.2020).
31. Усмонова Р.Н. Психологические особенности жертв кибербуллинга // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2017. №. 1. С. 162-165.
32. Усмонова Р.Н. Психологические особенности отношений буллера и жертвы в социальных сетях // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2017. №. 4. С. 148-151.
33. Фетисова Т.А. Агрессивное поведение в интернет-коммуникации. Обзор // Вестник культурологии. 2018. С.185-197.

- 34.Хасанова И.И., Котова С.С. Взаимосвязь интернет-зависимости с совладающим и отклоняющимся поведением учащейся молодежи//Образование и наука. 2017. № 4. Т. 19. С. 146-168.
- 35.Хатуева М.М., Швалева Н.М. Поддержка субъектных проявлений личности в системе детско-родительских отношений как условие развития психологического здоровья младших школьников // Вестник ЮУрГГПУ. 2018. №1. С. 213-223.
- 36.Хван А.А., Зайцев Ю.А., Кузнецова Ю.А. Стандартизированный опросник измерения агрессивных и враждебных реакций А. Басса и А. Дарки //Кемерово: КРИПКиПРО. 2006.
- 37.Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков. Психология и право. 2019. Том 9. №2. С. 276-295
- 38.Шейнов, В. П. Кибербуллинг: предпосылки и последствия / В. П. Шейнов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 2(14). С. 77-98.
- 39.Шелиспанская Э.В., Васина Ю.М., Кокорева О.И., Асмаловская О.А. Гендерные особенности агрессивных проявлений у подростков с девиантным поведением// Проблема отклоняющегося поведения в современном образовании. 2018. стр. 157-167.
- 40.Шпаковская Е.Ю., Клюкина А.А. Психологические особенности виктимного поведения подростков, подвергавшихся кибербуллингу //Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. №. 1. С. 59-59.
- 41.Щипанова Д.Е. Взаимосвязь типов кибербуллинга с личностными особенностями подростков //Новые информационные технологии в образовании и науке. 2017. С. 366-370.
- 42.Antoniadou N., Kokkinos C.M., Fanti K.A. Traditional and cyber bullying/victimization among adolescents: examining their psychosocial profile through latent profile analysis// International journal of bullying prevention. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 85-98.

43. Artishcheva L.V. The Specificity of Teenagers' Mental States as Prerequisite of Deviant Behavior Emergence// Eurasian Journal of Analytical Chemistry. 2017. P. 631-639.
44. Asanan Z.Z.T., Hussain I.A., Laidey N.M. A study on cyberbullying, its forms, awareness and moral reasoning among youth// International Journal of Media and Communication. 2017. Vol.1. No. 1 P. 1-5
45. Barboza, G.E. The association between school exclusion, delinquency and subtypes of cyber- and -victimizations: Identifying and predicting risk profiles and subtypes using latent class analysis// Child Abuse & Neglect. 2015. 39. P. 109–122.
46. Beckman, L., Hagquist, C., & Hellström, L. Does the association with psychosomatic health problems differ between cyberbullying and traditional bullying// Emotional and Behavioural Difficulties. 2012. 17(3-4). P. 421–434.
47. Bergmann M.C., Baier D. Prevalence and correlates of cyberbullying perpetration. Findings from a German representative student survey // International journal of environmental research and public health. 2018. Vol. 15. No. 2. P. 274.
48. Brack K., Caltabiano N. Cyberbullying and self-esteem in Australian adults // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2014. T. 8. 8(2), Article 7.
49. Didden R., Scholte R. H. J., Korzilius H., Moor J. M H De., Vermeulen A., O'reilly M., Lang R. & E. Lancioni G.E. Cyberbullying among students with intellectual and developmental disability in special education settings// Developmental Neurorehabilitation. 2009. 12(3). P. 146–151.
50. Eden, S., Heiman, T. & Olenik-Shemesh, D. Bully versus victim on the internet: The correlation with emotional-social characteristics // Educ Inf Technol. 2016. 21. P. 699–713.
51. Erdur-Baker Ö. Cyberbullying and its correlation to traditional bullying, gender and frequent and risky usage of internet-mediated communication tools// New media & society. 2010. 12(1). P. 109–125.

52. García Fernández C.M. et al. Cyberbullying en Educación Primaria: Factores explicativos relacionados con los distintos roles de implicación// *Psychology, Society, & Education*, 2017. Vol. 9(2). P. 251-262.
53. Graham, R., & Wood, F.R. Associations between cyberbullying victimization and deviant health risk behaviors// *The Social Science Journal*. 2018. 56 (2). P. 183-188.
54. Hanımoglu E. Deviant Behavior in School Setting. *Journal of Education and Training Studies*. 2018. Vol. 6, No. 10.
55. Hay, Carter, Meldrum R., Mann K. Traditional Bullying, Cyber Bullying, and Deviance: A General Strain Theory Approach. *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2010. 26. P. 130-47.
56. Heiman T., Olenik-Shemesh D., Cyberbullying Experience and Gender Differences Among Adolescents in Different Educational Settings// *Journal of Learning Disabilities*. 2015. 48(2). P.146–155.
57. Heimana T., Olenik-Shemesha D., Eden S. Cyberbullying involvement among students with ADHD: relation to loneliness, self-efficacy and social support// *European Journal of Special Needs Education*. 2015. Vol. 30, No. 1. P. 15–29.
58. Hinduja S., Patchin J.W. Bullying, cyberbullying, and suicide // *Archives of suicide research*. 2010. T. 14. No. 3. P. 206-221. .
59. Juvonen, J., & Gross, E.F. Extending the School Grounds-Bullying Experiences in Cyberspace. *Journal of School Health*. 78(9). P. 496–505.
60. Kowalski R.M., Limber S.P., Agatston P.W., *Cyberbullying: Bullying in the Digital Age*. 2nd ed. Wiley-Blackwell. 2012. 294 p.
61. Lei, H., Mao, W., Cheong, C.M. et al. The relationship between self-esteem and cyberbullying: A meta-analysis of children and youth students// *Curr Psychol*. 2020. 39. P. 830–842
62. Litwiller, B.J., & Brausch, A.M. Cyber Bullying and Physical Bullying in Adolescent Suicide: The Role of Violent Behavior and Substance Use// *Journal of Youth and Adolescence*. 2013. 42(5). P. 675–684.

63. McCuddy T., Esbensen F.-A. After the Bell and into the Night: The Link between Delinquency and Traditional, Cyber-, and Dual-Bullying Victimization// *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2016.
64. Núñez A., Álvarez-García D., Pérez-Fuentes M. C. Ansiedad y autoestima en los perfiles de cibervictimización de los adolescentes // *Comunicar: Revista Científica de Comunicación y Educación*. 2021. T. 29. No 67.
65. Olenik-Shemesh D., Heiman T., Eden S. Bystanders' behavior in cyberbullying episodes: Active and passive patterns in the context of personal–socio-emotional factors // *Journal of interpersonal violence*. 2017. T. 32. No. 1. P. 23-48.
66. Palermi, A.L., Servidio, R., Bartolo, M.G., & Costabile, A. (2017). Cyberbullying and self-esteem: An Italian study // *Computers in Human Behavior*. 2017. 69. P. 136–141.
67. Patchin J.W., Hinduja S. Bullies Move Beyond the Schoolyard: A Preliminary Look at Cyberbullying// *Youth Violence and Juvenile Justice*. 2006. 4. 2. P. 148-169.
68. Patchin J. W., Hinduja S. Cyberbullying and self-esteem // *Journal of school health*. 2010. T. 80. No. 12. P. 614-621.
69. Shultz, E., Heilman, R., & Hart, K.J. Cyber-bullying: An exploration of bystander behavior and motivation // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2014. 8(4), Article 3.
70. Šléglová, V., & Cerna, A. Cyberbullying in Adolescent Victims: Perception and Coping. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2011. 5(2). Article 4.
71. Slonje R., Smith P.K. Cyberbullying: Another main type of bullying?// *Scandinavian Journal of Psychology*. 2008. 49. P. 147–154
72. Slonje R., Smith P.K., Frisén A. The nature of cyberbullying, and strategies for prevention// *Computers in Human Behavior*. 2013. 29. P.26–32

73. Smith P.K. et al. Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils // *Journal of child psychology and psychiatry*. 2008. T. 49. No. 4. P. 376–385.
74. Sourander A, Brunstein Klomek A, Ikonen M, et al. Psychosocial Risk Factors Associated With Cyberbullying Among Adolescents: A Population-Based Study // *Arch Gen Psychiatry*. 2011. 67(7). P. 720–728.
75. Sprugnoli R. et al. Creating a whatsapp dataset to study pre-teen cyberbullying // *Proceedings of the 2nd Workshop on Abusive Language Online (ALW2)*. 2018. C. 51-59.
76. Sticca F., Perren S. Is Cyberbullying Worse than Traditional Bullying? Examining the Differential Roles of Medium, Publicity, and Anonymity for the Perceived Severity of Bullying // *Journal Youth Adolescence*. 2013. 42. P. 739–750.
77. Tokunaga R.S., Following you home from school: A critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization // *Computers in Human Behavior*. 2010. 26. P. 277–287
78. Tomé-Fernández M., Ortiz-Marcos J. M., Olmedo-Moreno E. M. Educational environments with cultural and religious diversity: Psychometric analysis of the cyberbullying scale // *Religions*. 2019. T. 10. No. 7. P. 443.
79. Tural Hesapcioglu S., Ercan F. Traditional and cyberbullying co-occurrence and its relationship to psychiatric symptoms // *Pediatrics International*. 2017. T. 59. №. 1. P. 16-22.
80. Vandebosch, H., & Cleemput, K. V. Cyberbullying among youngsters: profiles of bullies and victims // *New Media & Society*. 2009. 11(8). P. 1349–1371.
81. Völlink, T., Bolman, C.A. W., Dehue, F., & Jacobs, N.C.L. Coping with Cyberbullying: Differences Between Victims, Bully-victims and Children not Involved in Bullying // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2013. 23(1), P. 7–24.

- 82.Ybarra, M.L., & Mitchell, K.J. Online aggressor/targets, aggressors, and targets: a comparison of associated youth characteristics//Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2004. 45(7). P. 1308–1316.
- 83.Ybarra M.L., Mitchell K.J. Youth engaging in online harassment: Associations with caregiver-child relationships, Internet use and personal characteristics // Journal of Adolescence. 2004. 27(3). P. 319–336
- 84.Ybarra, M.L., Diener-West, M., & Leaf, P. Examining the overlap in internet harassment and school bullying: Implications for school intervention // Journal of Adolescent Health. 2007. 41 P. 42– 50.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Анкета, выявляющая опыт включенности в кибербуллинг

Инструкция: Уважаемый учащийся! Вам будет дан ряд утверждений, которые касаются Вашего общения с кем-либо в Интернете. Прочитав каждое утверждение, решите, насколько оно верно по отношению к Вам. Вы можете выбрать четыре варианта ответа на этот вопрос в зависимости от того, насколько часто это с Вами случалось. Для начала ответьте, пожалуйста, на простые вопросы о себе:

Пол:

Возраст:

Класс:

Проживание в городе/общезитии (нужное подчеркнуть)

Отделение:

Полная/неполная семья (нужное подчеркнуть)

Есть братья, сёстры/ Нет братьев, сестёр (нужное подчеркнуть)

Таблица Б.1. Общие вопросы об опыте КБ

	Никогда	Однажды	Несколько раз	Много раз
Я сталкивался с ситуацией, когда над кем-то издевались, кого-то оскорбляли или кому-то угрожали в Интернете				
Были ситуации, когда надо мной издевались, меня оскорбляли или мне угрожали в Интернете				
После издевательств, оскорблений или угроз в Интернете я чувствовал беспокойство, напряжение				
Я подвергался таким издевательствам, оскорблениям или угрозам в Интернете за последний год				

Таблица Б.2 вопросы на выявление видов КБ, которым подвергалась жертва;

За последний год я столкнулся с ситуациями издевательства, оскорбления или угроз в мой адрес таким образом:				
	Ни разу	Однажды	Несколько раз	Много раз
Кто-то написал в Интернете грубые или обидные сообщения обо мне				
Кто-то опубликовал в сети оскорбительную или обидную фотографию со мной				
Кто-то опубликовал в Интернете оскорбительное или обидное видео со мной				
Кто-то создал обо мне обидную или оскорбительную веб-страницу				
Кто-то в Интернете распространил сплетни обо мне				
Кто-то угрожал мне в SMS				
Кто-то угрожал мне в Интернете				
Кто-то в Интернете притворился мной и вел себя оскорбительно для меня				
Кто-то опубликовал в Интернете в адрес меня грубые и обидные сообщения о моей национальности				
Кто-то опубликовал в адрес меня грубые комментарии или жесты сексуального характера				
Кто-то опубликовал в адрес меня оскорбительные сообщения по поводу моей религии				

Таблица Б.3 Вопросы на оценку каналов, по которым «жертва» подвергалась издевательствам

За последний год я столкнулся с ситуациями издевательства, оскорбления или угроз в мой адрес через такие средства электронного общения:

	Ни разу	Однажды	Несколько раз	Много раз
Через анонимные чаты				
По электронной почте				
Через SMS				
Через мобильное устройство				
В Facebook				
В Twitter				
В Вконтакте				
В TikTok				
В Instagram				
В Snapchat				
На YouTube				
В чате массовой многопользовательской онлайн-игры, такой как World of Warcraft, Everquest, Guild Wars, Runescape и т.д.				
Играя в сети с Xbox, Playstation, Wii, PSP или аналогичным устройством				
В других сетях, через другие средства (укажите в каких)				

Таблица Б.4. Общие вопросы об опыте КБ в роли «агрессора»

	Никогда	Однажды	Несколько раз	Много раз
Бывало так, что я сам оскорблял, унижал кого-то или угрожал кому-то в Интернете				
Я оскорблял, унижал или угрожал кому-то в Интернете за последний год				

Таблица Б.5 Вопросы на выявление видов КБ, которые совершали «агрессоры»

В течение последнего года бывало так, что я оскорблял, унижал кого-то или угрожал кому-то таким образом:				
	Ни разу	Однажды	Несколько раз	Много раз
Писал(а) в сети грубые или обидные сообщения о ком-то				
Публиковал(а) в сети оскорбительные или обидные фотографии кого-то				
Публиковал(а) в Интернете обидное или оскорбительное видео				
Создал(а) о ком-то обидную или оскорбительную веб-страницу				
Распространял(а) сплетни о ком-то в Интернете				
Угрожал(а) причинить кому-то вред через SMS				
Угрожал(а) причинить кому-то вред в Интернете				
Притворялся другим человеком в Интернете и вел себя грубо или обидно (как тот человек бы себя не вел)				
Публиковал(а) в Интернете в адрес кого-то оскорбительные сообщения в адрес его национальности				
Публиковал(а) грубые, комментарии или жесты о ком-то, имеющем сексуальное значение				
Публиковал (а) в адрес кого-то оскорбительные сообщения по поводу его религии				

Таблица Б.6 Вопросы на оценку каналов, с помощью которых «агрессоры» совершали травлю.

В течение последнего года бывало так, что я оскорблял, унижал или угрожал кому-то через такие средства электронного общения:				
	Ни разу	Однажды	Несколько раз	Много раз
Через анонимные чаты				
По электронной почте				
Через SMS				
Через мобильное устройство				
В Facebook				
В Twitter				
В Вконтакте				
В TikTok				
В Instagram				
В Snapchat				
На YouTube				
В массовых многопользовательских онлайн-играх, такую как World of Warcraft, Everquest, Guild Wars, Runescape и т.д.				
Играя в сети с Xbox, Playstation, Wii, PSP или аналогичным устройством				
В других сетях, через другие средства (укажите в каких)				

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (юношеский вариант – 14PF)

Инструкция: «Перед вами опросник и листок для ответов. Вопросник содержит вопросы о ваших взглядах, желаниях, интересах. Прочитывая их, вы должны выбирать каждый раз вариант ответа — а, б или в, перечеркивая букву выбранного варианта в листке для ответов. При этом следует проверять, совпадет ли номер вопроса по вопроснику с соответствующим номером в листке для ответов. Работая с вопросником, придерживайтесь, пожалуйста, таких правил:

- Отвечать на вопросы откровенно и честно. Нет смысла давать неискренние ответы только потому, что, как вам кажется, «так следовало бы отвечать». Содержание ваших ответов ни при каких обстоятельствах не будет разглашено.
- Работать как можно быстрее, давать первый пришедший в голову ответ.
- Использовать средний ответ (б) только тогда, когда абсолютно невозможно решить, какой из крайних ответов (а или в) вам больше подходит.
- Не пропускайте ни одного вопроса, даже если вам кажется, что он не имеет к вам отношения.

Обработка и интерпретация данных:

Совпадение ответов с ключом (рис. Б.1) оценивается в 2 балла для ответов «а» и «в», совпадение ответа «б» — в 1 балл. Для фактора В любое совпадение ответа с ключом дает 1 балл.

Таблица Б.1 Нормативные данные, полученные при обследовании вопросником 14PF школьников старших классов (девушки) (n>400)

Факторы	8-9 класс	
	Мальчики	Девочки
A	10	13
B	5	5
C	11	11
D	10	9
E	10	8
F	12	13
G	10	11
H	12	12
I	8	14
J	8	8
O	8	8
Q2	12	8
Q3	11	12
Q4	9	10

Таблица Б.2 Стеновые нормы: мальчики 13-15 лет (n=315)

Стены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Факторы										
A	0-3	4-5	6	7-8	9-10	11	12	13-14	15	16-20
B	0-2	3	4	5	6	7	8	9	-	10
C	0-3	4	5	6-7	8-9	10	11-12	13	14-15	16-20
D	0-4	5	6-7	8-9	10	11-12	13	14-15	16	17-20
E	0-4	5-6	7	8	9	10	11	12	13	14-20
F	0-4	5-6	7-8	9-10	11-12	13-14	15	16-17	18-19	20
G	0-3	4	5-6	7	8	9-10	11	12	13-14	15-20
H	0-4	5-6	7	8-9	10 11	12	13	14-15	16-17	18-20
J	0-1	2	3-4	5-6	7-2	9-10	11	12-13	14-15	16-20
I	0-3	4	5-6	7	8-9	10	11-12	13-14	15-16	17-20
O	0-1	2	3-4	5-6	7-8	9-10	11	12-13	14-15	16-20
Q2	0-4	5	6-7	8-9	10	11-12	13	14-15	16-17	18-20

Q3	0-4	5-6	7-8	9	10	11-12	13-14	15	16	17-20
Q4	0-3	4-5	6	7-8	9	10	11-12	13	14-15	16-20

Таблица Б.3 Стеновые нормы: девочки 13-15 (n=245)

Стены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Факторы										
A	0-4	5-6	7-8	9-10	11	12-13	14-15	16-17	18-19	20
B	0-2	3	-	4	5	-	6	7	8	9-10
C	0-2	3-4	5-6	7	8-9	10-11	12-13	14	15-16	17-20
D	0-4	5-6	7	8	9-10	11-12	13	14-15	16-17	18-20
E	0-2	3	4	5-6	7	8	9-10	11	12-13	14-20
F	0-5	6	7-8	9-10	11-12	13-14	15-16	17	18-19	20
G	0-3	4-5	6	7-8	9	10-11	12	13-14	15-16	17-20
H	0-3	4-5	6-7	8-9	10-11	12	13-14	15-16	17-18	19-20
J	0-5	6-7	8-9	10	11-12	13-14	15-16	17	18-19	20
I	0-2	3-4	5	6-7	8	9-10	11	12-13	14-15	16-20
O	0-2	3	4-5	6-7	8-9	10-11	12	13-14	15-16	17-20
Q2	0-4	5-6	7	8	9	10	11-12	13	14	15-20
Q3	0-4	5	6-7	8	9-10	11	12-13	14	15-16	17-20
Q4	0-4	5-6	7	8-9	10-11	12	13-14	15-16	17-18	19-20

Краткая интерпретация шкал опросника Р. Кеттелла:

ФАКТОР А (аффектомия-шизотимия)

Оценки А+ характерны для человека, который легко подвержен аффективным переживаниям, лабилен, отличается богатством и яркостью эмоциональных проявлений, откликается на происходящие события, имеет выразительную экспрессию. Для него характерны сильные колебания настроения.

Оценки А—, характерны для человека, который не склонен к аффектам и бурным, живым эмоциональным проявлениям. Такой человек холоден и формален в контактах, не интересуется жизнью окружающих его людей, предпочитает общаться с книгами и вещами, старается работать в одиночестве и в конфликтах не склонен идти на компромисс. В делах такой человек точен и обязателен, но недостаточно гибок.

ФАКТОР В (низкий интеллект-высокий интеллект)

Оценки В+ характерны для человека, который получает высокие результаты по интеллектуальным тестам.

Оценки В— характерны для человека, который обладает низким интеллектом или эмоциональной дезорганизацией мышления.

ФАКТОР С (степень эмоциональной устойчивости)

Оценки С+ характерны для человека, который является эмоционально зрелым и хорошо приспособленным. Такой человек обычно способен достигать своих целей без особых трудностей, смело смотреть в лицо фактам, осознавать требования действительности. Он не скрывает от себя собственные недостатки, не расстраивается по пустякам и не поддается случайным колебаниям настроений.

Оценки С— характерны для человека, который отмечает, что ему не хватает энергии и он часто чувствует себя беспомощным, усталым и не способным справиться с жизненными трудностями. Такой человек может иметь беспричинные страхи, беспокойный сон и обиду на других, которая зачастую оказывается необоснованной. Такие люди не способны контролировать свои эмоциональные импульсы и выражать их в социально допустимой форме. В поведении это проявляется как отсутствие ответственности, капризность.

ФАКТОР D (возбудимость-флегматичность)

Оценки D+ характерны для человека, который проявляет повышенную импульсивность или сверхреактивность на слабые провоцирующие стимулы. Для таких людей характерны постоянное беспокойство, отвлекаемость, недостаточная концентрация внимания. Дети с высокими оценками по этому фактору плохо владеют собой, по незначительному поводу у них могут возникать бурные эмоциональные реакции, и их поведение сильно зависит от наличного состояния.

Оценки D— характерны для человека уравновешенного и сдержанного. Дети, имеющие низкие оценки по этому фактору, хорошо владеют собой даже в неблагоприятных ситуациях и при помехах их деятельности.

ФАКТОР E (доминантность-конформность)

Оценки E+ характерны для человека властного, которому нравится доминировать и приказывать, контролировать и критиковать других людей. У такого человека выражено стремление к самоутверждению, самостоятельности и независимости, он живет по собственным соображениям, игнорируя социальные условности и авторитеты, агрессивно отстаивая свои права на самостоятельность и требуя проявления самостоятельности от других. Такая личность действует смело, энергично и активно, ей нравится «принимать вызовы» и чувствовать превосходство над другими.

Оценки E— характерны для человека послушного, конформного и зависимого. Такой человек руководствуется мнением окружающих, не может отстаивать свою точку зрения, следует за более доминантными и легко поддается авторитетам. Для его поведения характерны пассивность и подчинение своим обязанностям, отсутствие веры в себя и в свои возможности, склонность брать вину на себя. Низкая доминантность обычно связана с успешностью обучения во всех возрастных группах.

ФАКТОР F (легкомыслие-осторожность)

Оценки F+ характерны для человека, который имеет более простой и оптимистичный характер, легко относится к жизни, верит в удачу, мало заботится о будущем. Такой человек часто демонстрирует находчивость и остроумность, получает удовольствие от вечеринок, зрелищных мероприятий, работы, предполагающей разнообразие, перемены, путешествия.

Оценки F— характерны для человека ответственного, трезвого и серьезного в своем подходе к жизни. Но наряду с этим он склонен все усложнять и подходить ко всему слишком серьезно и осторожно. Его постоянно заботит будущее, последствия его поступков, возможности неудач и несчастий. Такому человеку тяжело расслабиться от забот, он старается планировать все свои действия.

ФАКТОР G (степень принятия социальных норм)

Оценки G+ характерны для человека с развитым чувством ответственности, обязательного и добросовестного. Такой человек порядочен не потому, что это может оказаться выгодным, а потому что у него такие убеждения. Подобные люди точны и аккуратны в деталях, любят порядок, стремятся не нарушать правила, обладают хорошим самоконтролем.

Оценки G— характерны для человека, который проявляет слабый интерес к общественным нормам и не прилагает усилий для их выполнения. Он может презрительно относиться к моральным ценностям и ради собственной выгоды способен на нечестность или обман. Такой человек склонен к непостоянству, может иметь тенденции к социопатии.

ФАКТОР H (авантюризм-застенчивость)

Оценки Н+ характерны для человека нечувствительного к угрозам, смелого, решительного, имеющего тягу к риску и острым ощущениям. Такой человек не теряется при столкновении с нестандартными ситуациями и быстро забывает о неудачах, не делая необходимых выводов. Кроме этого, такая личность не испытывает трудности в общении, легко вступает в контакты, любит часто находиться на виду, не стесняется публичных выступлений.

Оценки Н— характерны для человека, который обладает сверхчувствительной нервной системой и остро реагирует на любую угрозу. Такие люди зачастую робки, застенчивы, не уверены в своих силах, часто терзаются чувством собственной неполноценности. Человек с низким значением по фактору Н, как правило, медлителен, сдержан в выражении своих чувств, предпочитает иметь одного-двух близких друзей, проявляет заботу и внимание к окружающим, но не может поддерживать широкие контакты и не любит работать вместе с другими.

ФАКТОР I (сензитивность-реализм)

Оценки I+ характерны для человека, отличающегося мягкостью, утонченностью, образностью, художественным восприятием мира. Такой человек зачастую обладает богатым воображением, тонким эстетическим вкусом и действует, ориентируясь на собственную интуицию. Он не любит «грубых» людей и «грубую» работу, но обожает путешествия и новые впечатления. Для него типичны тревожность и беспокойство по поводу состояния здоровья, снисходительность к себе и другим, зависимость и потребность в любви, внимании и помощи со стороны других людей.

Оценки I— характерны для человека, который отличается мужественностью, стойкостью, практичностью в делах и реализмом в оценках. В жизни такой человек опирается на здравый смысл и логику, больше доверяет рассудку, чем чувствам, интуиции предпочитает расчет, психические травмы преодолевает за счет рационализации. Подобные люди независимы, придерживаются собственной точки зрения, склонны принимать на себя ответственность.

ФАКТОР J (осторожный индивидуализм-интерес к участию в общих делах)

Оценки J+ характерны для человека, который считается разумным, рассудительным и упорным. Он обычно уделяет много внимания планированию своего поведения, анализу собственных ошибок и способов их преодоления. Такие люди знают, что по своим взглядам они сильно отличаются от сверстников, имеют меньше друзей, чем остальные, но не считают необходимым менять свое поведение и идти на поводу у группы. Отстаивая свою точку зрения, они могут быть жесткими и бескомпромиссными, не забывают несправедливого обращения и не прощают обид даже своим друзьям. В силу этого они не пользуются любовью окружающих, хотя их уважают и ценят те, кто хорошо с ними знаком.

Оценки J— характерны для человека живого, экспрессивного, деятельного и не критичного. Обычно такие люди хорошо учатся в школе, добиваются успехов в профессиональной деятельности. Но для таких людей возможны индивидуальные правонарушения и высокая вероятность исправления поведения под воздействием воспитания.

ФАКТОР O (самоуверенность-склонность к чувству вины)

Оценки O+ характерны для человека тревожного, подавленного, озабоченного, с пониженным настроением, легко плачущего. Такой человек склонен к печальным размышлениям в одиночестве, легко подвержен различным страхам и тяжело переживает любые жизненные неудачи. Он не верит в себя, склонен к самоупрекам, недооценивает свои возможности, знания, способности. Для него характерны развитое чувство долга, подверженность чужому влиянию, зависимость настроения и поведения от одобрения или неодобрения со стороны окружающих. В обществе подобный человек чувствует себя неуютно и неуверенно, держится скромно и обособленно.

Оценки О- характерны для человека веселого, бодрого, жизнерадостного. Он может легко переживать жизненные неудачи, верит в себя, не предрасположен к страхам, самоупрекам и раскаиванию, слабо чувствителен к оценкам окружающих.

ФАКТОР Q2 (самодостаточность-социабельность)

Оценки Q+ характерны для человека тревожного, подавленного, озабоченного настроением, легко плачущего. Такой человек склонен к печальным размышлениям в одиночестве, легко подвержен различным страхам и тяжело переживает любые жизненные неудачи. Он не верит в себя, склонен к самоупрекам, недооценивает своих возможностей, знаний, способностей. Для него характерны развитое чувство долга, подверженность чужому влиянию, зависимость настроения и поведения от одобрений или неодобрения со стороны окружающих. В обществе подобный человек чувствует себя неуютно и неуверенно, держится скромно и обособленно.

Оценки Q— характерны для человека веселого, бодрого, жизнерадостного. Он может легко переживать жизненные неудачи, верит в себя, не предрасположен к страхам, самоупрекам и раскаиванию, слабо чувствителен к оценкам окружающих.

ФАКТОР Q2

Оценки Q2+ характерны для человека, который независим, самостоятелен, по собственной инициативе он не ищет контактов с окружающими, предпочитает работать один и самостоятельно принимать решения. У него хватает мышления, чтобы самостоятельно решать любые волнующие его проблемы.

Оценки Q2— характерны для человека несамостоятельного, зависимого и привязанного к группе. В своем поведении он ориентируется на мнение группы, нуждается в ее поддержке, советах и одобрении. Такой человек предпочитает жить и работать с другими людьми не потому, что он очень общителен, а потому, что у него отсутствует инициатива и смелость в выборе собственной линии поведения. Данная личность может легко попасть под влияние плохой компании и иметь неприятности с законом.

ФАКТОР Q3 (степень самоконтроля)

Оценки Q3+ свидетельствуют об организованности, умении хорошо контролировать свои эмоции и поведение. Такие личности способны эффективно управлять своей энергией и умеют хорошо планировать свою жизнь. Они думают, прежде чем действовать, упорно преодолевают препятствия, не останавливаются при столкновении с трудными проблемами, склонны доводить начатое до конца и не дают обещания, которые не могут выполнить. Подобные люди хорошо осознают социальные требования и заботятся о своей общественной репутации.

Оценки Q3— характерны для слабовольных и обладающих плохим самоконтролем людей. Такие люди слабо способны придать своей энергии конструктивное направление и не расточать ее. Они не умеют организовывать свое время и порядок выполнения дел. Как правило, подобные люди не остаются долго на одной работе и в силу этого не достигают мастерства и не идентифицируют себя с профессиональной деятельностью.

ФАКТОР Q4 (степень внутреннего напряжения)

Оценки Q4+ характерны для человека, у которого выражен классический невроз тревожности. Подобные люди постоянно находятся в состоянии возбуждения, с большим трудом успокаиваются, чувствуют себя разбитыми, усталыми, и не могут оставаться без дела даже в обстановке, способствующей отдыху. Для таких людей характерны эмоциональная неустойчивость с преобладанием пониженного настроения, раздражительность, проблемы со сном, негативное отношение к критике.

Оценки Q4— характерны для людей, которые отличаются расслабленностью, отсутствием сильных побуждений и желаний. Такие люди невозмутимы, спокойно относятся к неудачам и неудачам, находят удовлетворение в любом положении дел и не стремятся к достижениям и переменам

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации
А. М. Прихожан

Обработка и интерпретация результатов:

Обработка проводится по шести шкалам (первая, тренировочная — «здоровье» — не учитывается). Каждый ответ выражается в баллах. Как уже отмечалось ранее, длина каждой шкалы 100 мм, в соответствии с этим ответы школьников получают количественную характеристику (например, 54 мм = 54 баллам).

По каждой из шести шкал определить:

- уровень притязаний — расстояние в мм от нижней точки шкалы («0») до знака «х»;
- высоту самооценки — от «0» до знака «—»;
- значение расхождения между уровнем притязаний и самооценкой — расстояние от знака «х» до знака «—», если уровень притязаний ниже самооценки, он выражается отрицательным числом.

Рассчитать среднюю величину каждого показателя уровня притязаний и самооценки по всем шести шкалам.

Уровень притязаний

Норму, реалистический уровень притязаний, характеризует результат от 60 до 89 баллов. Оптимальный — сравнительно высокий уровень — от 75 до 89 баллов, подтверждающий оптимальное представление о своих возможностях, что является важным фактором личностного развития. Результат от 90 до 100 баллов обычно удостоверяет нереалистическое, некритическое отношение детей к собственным возможностям. Результат менее 60 баллов свидетельствует о заниженном уровне притязаний, он — индикатор неблагоприятного развития личности.

Высота самооценки

Количество баллов от 75 до 100 и выше свидетельствует о завышенной самооценке и указывает на определенные отклонения в формировании личности. Завышенная самооценка может подтверждать личностную незрелость, неумение правильно оценить результаты своей деятельности, сравнивать себя с другими; такая самооценка может указывать на существенные искажения в формировании личности — «закрытости для опыта», нечувствительности к своим ошибкам, неудачам, замечаниям и оценкам окружающих. Количество баллов ниже 45 указывает на заниженную самооценку (недооценку себя) и свидетельствует о крайнем неблагополучии в развитии личности. Эти ученики составляют «группу риска», их, как правило, мало. За низкой самооценкой могут скрываться два совершенно разных психологических явления: подлинная неуверенность в себе и «защитная», когда декларирование (самому себе) собственного неумения, отсутствия способности и тому подобного позволяет не прилагать никаких усилий.

Рис. В.1 Бланк методики

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Ценностный опросник Ш. Шварца

Первая часть.

Инструкция: «Спросите себя: "Какие ценности важны для меня как руководящие принципы в Моей жизни? Какие ценности менее важны для меня?" Ваша задача: оценить, насколько важна для Вас каждая ценность в качестве руководящего принципа в Вашей жизни.

До того, как Вы начнете, прочитайте список из 30 ценностей и выберите одну, которая наиболее важна для Вас, и оцените ее важность "7". Далее, выберите ценность наименее важную для Вас и оцените ее -1, 0 или 1, согласно ее важности. Затем оцените оставшиеся ценности (от -1 до 7)».

Шкала для оценки:

7 – исключительно важная в качестве руководящего принципа Вашей жизни ценность (обычно таких ценностей бывает одна-две);

6 – очень важная;

5 – достаточно важная;

4 – важная;

3 – не очень важная;

2 – мало важная;

1 – не важная;

0 – совершенно безразличная;

-1 – это противоположно принципам, которым Вы следуете.

Инструкция: «Теперь оцените, насколько важна каждая из следующих ценностей для Вас, как руководящий принцип Вашей жизни. Эти ценности выражены в способах действия, которые могут быть более или менее важными для Вас. Попытайтесь различить ценности, насколько это возможно, используя все номера.

Для начала прочитайте ценности в списке 2, выберите то, что для Вас наиболее важно, оцените на шкале (отметка 7). Затем выберите ценность, которая противоречит вашим принципам (отметка — 1). Если такой ценности

нет, выберите ценность наименее важную для Вас и оцените ее отметками 0 или 1, в соответствии с ее значимостью. Затем оцените остальные ценности.»

Вторая часть

Инструкция: «Ниже приведены описания некоторых людей. Пожалуйста, прочитайте каждое описание и подумайте, насколько каждый человек похож или не похож на Вас. Поставьте крестик в одной из клеточек справа, которая показывает, насколько описываемый человек похож на Вас».

Обработка и интерпретация результатов:

Обработка результатов проводится путем соотнесения ответов испытуемого с ключом. Соответствующий ключ приводится в таблице В.5. В нем указаны номера пунктов обеих частей опросника, соответствующие каждому типу ценностей. Средний балл по данному типу ценности показывает степень ее значимости.

При обработке первого раздела опросника — «Обзор ценностей» (уровень нормативных идеалов) — результаты по спискам 1 и 2 суммируются.

Перед подсчетом результатов второго раздела опросника — «Профиль личности» — необходимо перевести шкалу опросника в баллы. Ключ для перевода ответов испытуемых в баллы приводится ниже в таблице В.4.

Таблица Г.4 Количество баллов, приписываемое пунктам шкалы «Профиль личности» при обработке результатов.

Пункты шкалы	Очень похож на меня	Похож на меня	В некоторой степени похож на меня	Немного похож на меня	Не похож на меня	Совсем не похож на меня
Количество баллов	4	3	2	1	0	-1

Краткое определение мотивационных типов соответственно их центральной цели:
— Власть (Power) — социальный статус, доминирование над людьми и ресурсами;

- Достижение (Achievement) — личный успех в соответствии с социальными стандартами;
- Гедонизм (Hedonism) — наслаждение или чувственное удовольствие;
- Стимуляция (Stimulation) — волнение и новизна;
- Самостоятельность (Self-Direction) — самостоятельность мысли и действия;
- Универсализм (Universalism) — понимание, терпимость и защита благополучия всех людей и природы;
- Доброта (Benevolence) — сохранение и повышение благополучия близких людей;
- Традиция (Tradition) — уважение и ответственность за культурные и религиозные обычаи и идеи;
- Конформность (Conformity) — сдерживание действий и побуждений, которые могут навредить другим и не соответствуют социальным ожиданиям;
- Безопасность (Security) — безопасность и стабильность общества, отношений и самого себя.

Описание характеристик ценностей:

- Власть (Power). Функционирование социальных институтов требует определенной дифференциации статусов, и в большинстве случаев в межличностных отношениях в разных культурах было выявлено сочетание показателей Доминантности — подчиненности. Центральная цель этого типа ценностей заключается в достижении социального статуса или престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами (авторитет, богатство, социальная власть, сохранение своего общественного имиджа, общественное признание). Ценности власти и достижения (см. далее) фокусируются на социальном уважении, однако ценности достижения (например, успешный, амбициозный) подчеркивают активное проявление компетентности в непосредственном взаимодействии, в то время как ценности власти (авторитет, богатство) подчеркивают достижение или сохранение доминантной позиции в рамках целой социальной системы.
- Достижение (Achievement). Определяющая цель этого типа ценностей — личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами. Проявление социальной компетентности (что составляет содержание этой ценности) в условиях доминирующих культурных стандартов влечет за собой социальное одобрение.
- Гедонизм (Hedonism). Мотивационная цель данного типа определяется как наслаждение или чувственное удовольствие (удовольствия, наслаждение жизнью).
- Стимуляция (Stimulation). Этот тип ценностей является производным от организменной потребности в разнообразии и глубоких переживаниях для поддержания оптимального уровня активности. Биологически обусловленные вариации потребности в стимуляции, опосредованные социальным опытом, приводят к индивидуальным различиям в значимости этой ценности. Мотивационная цель этого типа ценностей заключается в стремлении к новизне и глубоким переживаниям.
- Самостоятельность (Self-Direction). Определяющая цель этого типа ценностей состоит в самостоятельности мышления и выбора способов действия, в творчестве и исследовательской активности. Самостоятельность как ценность производна от организменной потребности в самоконтроле и самоуправлении, а также от интеракционных потребностей в автономности и независимости.
- Универсализм (Universalism). Мотивационная цель данного типа ценностей — понимание, терпимость, защита благополучия всех людей и природы. Мотивационные цели универсализма производны от тех потребностей выживания групп и индивидов, которые становятся явно необходимыми при вступлении

людей в контакт с кем-либо вне своей среды или при расширении первичной группы.

- Доброта (Benevolence). Это более узкий «просоциальный» тип ценностей по сравнению с универсализмом. Лежащая в ее основе доброжелательность сфокусирована на благополучии в повседневном взаимодействии с близкими людьми. Этот тип ценностей считается производным от потребности в позитивном взаимодействии, потребности в аффилиации и обеспечении процветания группы. Его мотивационная цель — сохранение благополучия людей, с которыми индивид находится в личных контактах (полезность, лояльность, снисходительность, честность, ответственность, дружба, зрелая любовь).
- Традиции (Tradition). Любые социальные группы вырабатывают свои символы и ритуалы. Их роль и функционирование определяются опытом группы и закрепляются в традициях и обычаях. Традиционный способ поведения становится символом групповой солидарности, выражением единых ценностей и гарантией выживания. Традиции чаще всего принимают формы религиозных обрядов, верований и норм поведения. Мотивационная цель данной ценности — уважение, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре (уважение традиций, смирение, благочестие, принятие своей участи, умеренность) и следование им.
- Конформность (Conformity). Определяющая мотивационная цель этого типа — сдерживание и предотвращение действий, а также склонностей и побуждений к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям. Данная ценность является производной от требования сдерживать склонности, имеющие негативные социальные последствия (послушание, самодисциплина, вежливость, уважение родителей и старших).
- Безопасность (Security). Мотивационная цель этого типа — безопасность для других людей и себя, гармония, стабильность общества и взаимоотношений. Она производна от базовых индивидуальных и групповых потребностей.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Инструкция к опроснику агрессивности Басса-Дарки

«Вашему вниманию предлагается 75 утверждений, на которые нужно ответить "да" или "нет". Пожалуйста, внимательно прослушайте утверждения и ответьте "да", если с данным утверждением вы согласны и "нет", если не согласны. Здесь нет правильных или неправильных ответов. Старайтесь отвечать быстро, не задумываясь подолгу над утверждениями».

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Инструкция опросника теста школьной тревожности Филлипса

«Сейчас вам будет предложен опросник, который состоит из вопросов о том, как вы себя чувствуете в школе. Старайтесь отвечать искренне и правдиво, здесь нет верных или неверных, хороших или плохих ответов. Над вопросами долго не задумывайтесь. Отвечая на вопрос, записывайте его номер и ответ «Да», если вы согласны с ним, или «Нет», если не согласны»

Обработка и интерпретация результатов:

При обработке результатов выделяют вопросы, ответы на которые не совпадают с ключом теста (табл. Ж.1, Ж.2). Например, на 58-й вопрос ребенок ответил «Да», в то время как в ключе этому вопросу соответствует ответ «Нет». Ответы, не совпадающие с ключом, — это проявление тревожности. При обработке подсчитывается:

- Общее число несовпадений по всему тесту. Если оно больше 50%, можно говорить о повышенной тревожности ребенка, если больше 75% от общего числа вопросов теста — о высокой тревожности;
- Число совпадений по каждому из 8 факторов тревожности, выделяемых в тексте. Уровень тревожности определяется также, как в первом случае. Анализируется общее внутреннее эмоциональное состояние школьника, во многом определяющееся наличием тех или иных тревожных синдромов (факторов) и их количеством.